

Э. Пименова

№ 20

ИСТОРИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ в ИРЛАНДИИ

Библиотека
С. М. Котляков
Б. 51
Хро
С

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАД, 1929

1965 г.

ГЛАВА I.

Победители и побежденные.—Кровавая эмблема.—Древнее население Ирландии.—Вторжение англичан.—Отношение их к ирландцам.—«Убийство ирландца не есть преступление».—Жестокость Кромвелля.—Изменение порядка землевладения.—Положение ирландских фермеров.

«Изумруд морей» — так называют ирландцы свой вечно зеленый остров, воспевая в своих песнях и народных сказаниях красоты своей живописной родины. Чрезвычайно влажный климат, обилие дождей действительно способствуют тому, что леса, поля и луга в Ирландии зеленеют круглый год. Но зато хлеб созревает очень поздно. Пшеницу жнут в сентябре, а иногда и в октябре, а овес — только в ноябре.

Два острова — Великобритания и Ирландия составляют как бы дополнение один другого, и, по мнению ученых, они составили в очень отдаленные времена один материк, который лишь впоследствии, после геологических переворотов, раскололся на две части. Оба острова отделены друг от друга всего только узким проливом, но никакая пронасть, как бы она ни была непроходима, никакие неприступные горы и даже океан не могли бы больше разделять два народа, чем разделены между собою англичане и ирландцы. Экономические условия, разность религии, расы и культуры в значительной степени препятствуют их объединению, но главным образом все таки тут действуют причины, которые и заставляют ирландцев отзываться с ненавистью об англичанах и к английскому гарнизону, стоящему в Ирландии, относиться как к неприятельскому отряду, насильственно водворенному в стране, называя ирландскими героями всех тех, кто боролся против английского правительства, и мучениками — всех поплатившихся за это жизнью.

Ирландцы и англичане — это два вечно враждующих лагеря победителей и побежденных. К победителям принадлежит господствующая национальность, т. е. англичане, к побежденным — угнетаемые и притесняемые или ирландцы, на которых англичане привыкли смотреть свысока. До сих пор еще в Дублине есть гостилицы, где останавливаются только англичане и куда ирландцы не показываются, и другие, куда приезжают только ирландцы. А в неко-

торых городах в провинции, например в Бельфасте, англичане и ирландцы поселяются даже в отдельных кварталах.

История Ирландии служит ответом на то, чем питается и поддерживается такая непримиримая вражда двух народов, близкое соседство которых, казалось, должно было бы создать между ними общие интересы и способствовать их единению.

Одно древнее ирландское сказание сообщает, что первый завоеватель Эриха (так называлась в древности Ирландия) так торопился завладеть этим островом, что даже отрезал себе кисть руки, давшие чем вступил на землю, и бросил эту окровавленную руку на берег, который таким образом и стал его владением прежде, чем ноги его коснулись ирландской земли. Вот почему в гербе многих ирландских землевладельцев до сих пор (лендлоу-дом—как их называют в Ирландии) помещается рисунок пропавшей руки.

Эта пропавшая эмблема как бы воплощает в себе всю историю Ирландии. В самом деле, вся история этой маленькой страны представляет картину непрерывной, многовековой и отчаянной борьбы маленького народа, борьбы за свою жизнь, за свою родину и свои человеческие права.

Вечно зеленый остров, обладающий тучными лугами и хорошими пастбищами, конечно, представлял заманчивую добычу для других, предприимчивых народов, и поэтому Ирландия с самых древних времен подвергалась нашествиям и вторжениям иноземных племен, датчане, норвежцы и, в особенности, англичане часто совершали на нее набеги. Коренное население острова принадлежало к древнему племени кельтов, которые и дали название «Эрих» своему острову, что означало на их языке: западный остров. Древние же римляне называли Ирландию Гибернией. Кельты жили отдельными племенами, под управлением вождей, власть которых передавалась по наследству. Землей они владели сообща и занимались почти исключительно скотоводством.

Ирландский народ очень чтит память святого Патрика, который считается покровителем Ирландии. Согласно ирландским преданиям, Патрик проповедывал в V веке христианство среди кельтских племен. Сам он был родом из знатной шотландской семьи, но шестнадцати лет был увезен морскими разбойниками в Ирландию и там, в течение нескольких лет, был пастухом. Вернувшись, наконец, на свою родину, в Шотландию, он сделался священником и опять отправился в Ирландию, но уже в качестве проповедника. Там он основал много церквей, школ и монастырей, которые были рассадником учености, так что в сущности ирландцы были вначале учителями англичан, потому что именно из ирландских монастырских школ выходили проповедники, которые отправлялись в Великобританию и оказывали влияние на ее развитие.

Это был период спокойствия и счастливой жизни в Ирландии, но спокойствие это тотчас же исчезло, и дальнейшее развитие цивилизации в Ирландии прекратилось, как только англичане совершили набег на остров и завоевали его. Жестокие войны, вызванные этим вторжением варваров, имели пагубные последствия для Ирландии. Народ одичал, лишившись свободы, нравы страшно огрубели и наука и литература в Ирландии заглохли. Некоторые местности даже совершенно обезлюдели вследствие постоянных кровавых избиений населения, которое было не в силах отразить нападение иноземцев и могло только жестоко мстить им при случае за все свои страдания и унижения. В XII веке Ирландия была окончательно покорена англичанами. Английский король Генрих II, воспользовавшись распрями, происходившими между ирландскими вождями, завладел островом. Судьба Ирландии была таким образом решена на многие столетия. С той поры англичанами стали делаться всевозможные усилия, чтобы истребить ирландскую расу и насильственно превратить ирландцев в англичан. Однако достигнуть этого завоевателям не удавалось, и только разжигалась вражда между двумя соседними народами. Страна разорялась, следившись местом раздоров, кровавых столкновений, беспорядка и запустения. Но англичане не унимались и в стремлении укрепить свое господство в Ирландии прибегали к таким мерам, которые только сильнее разжигали ненависть побежденного народа к своим победителям. Разумеется, ирландцы только и думали, как бы свергнуть это англичан, и когда вспыхнула война между Шотландией и Англией, то они обратились к шотландскому королю, прося помочь им против их общего врага — англичан. Брат шотландского короля Эдуард высадился со своим войском в Ирландии и провозглашен был ирландцами своим королем. Началась война, которая длилась три года и страшно опустошила страну, а когда одоли англичане и Эдуард погиб в бою, то в Ирландии наступило царство полнейшей анархии и произвола.

Это было в XIV веке, но не лучше стало ирландцам и в последующие века. Английские бароны, получавшие от английского короля в дар земли в Ирландии, выгнали прежних владельцев и своим властолюбием, жадностью и произволом возбуждали еще большую ненависть населения. Англичане, явившиеся в Ирландию как завоеватели, отнюдь не думали о том, чтобы примирить народ со своей властью, и жестоко расправлялись с ирландцами, чуть только они проявляли малейшее сопротивление к свободе, малейшее неповиновение произволу лендлорда. Достаточно сказать, что при королеве Елизавете (в XVI веке) английские войска уничтожили всех жителей одного ирландского островка, где они и казнили беглеца из Ирландии. Женщины, дети и старики — все были загнаны в пещеру и там перебиты, и английские власти с цинизмом официально доносили

об этом, прибавив, что «все эти люди были перебиты, как тюлени или выдры!» Честно ли было и бывать беззачинных, зачинных в западу,—об этом никто не думал. В глазах англичан это были мятежники, осмелившиеся поднять знамя восстания и стремившиеся освободиться от ига англичан. И за это их надлежало казнить. В те времена у англичан даже существовала поговорка, что «убийство ирландца — не есть преступление». Этим вполне характеризуется отношение завоевателей к покоренному народу.

Вполне естественно, что ирландцы никогда не упускали случая отомстить англичанам за такие злодеяния и жестоко расправлялись с ними, когда представлялась возможность. Таким образом более двадцати тысяч английских колонистов, поселившихся в Ирландии, были перебиты ирландцами.

Подобное поведение английских властителей, обративших в рабов свободное население острова, и взаимная ненависть обоих народов только ухудшали положение несчастной страны. После всякого восстания в Ирландии, которое всегда подбуждалось с неслыханной жестокостью, у ирландцев отнимались земли и раздавались английским колонистам. Ненависть ирландцев усиливалась также и религиозной рознью, вследствие того, что католики, составлявшие в Ирландии большинство населения, подвергались гонениям и притеснениям со стороны англичан-протестантов. Ирландцы-католики не могли занимать никаких официальных должностей в своей родной стране. Англичане вытесняли их отовсюду, следуя поговорке: «сила есть право». Это разжигало религиозный фанатизм ирландцев и в XVII веке, в царствование Карла I в Англии, привело к страшной резне, в которой погибли тысячи англичан. Очистительное усмирение Ирландии произвел Кромвель. Он прибыл в Ирландию во главе многочисленного и опытного войска, взял приступом два ирландских города и велел перебить все их население. Ирландцы, обитые ужасом, даже не пытались защищаться. Они бежали, ища спасения в лесах и болотах. Как беспощадно расправлялся с ними Кромвель, доказывает следующий факт: часть жителей города Дрогеды, взятого приступом англичанами, укрылась в церкви и Кромвель самым кровожадным образом приказал поджечь эту церковь и сжечь всех находившихся в ней, что и было тотчас-же исполнено!

Однако, чтобы покорить всю Ирландию, Кромвелю все-таки понадобилось не менее девяти месяцев. Когда же он достиг своей цели, то передал власть над несчастной, залитой кровью страной своему брату Айртону, приказав ему продолжать начатое дело. Ирландцы-католики принуждались либо выселиться совсем из Ирландии, либо переселиться на запад страны, в Коннаут, земли же, отобранные у ирландцев, Кромвель раздавал своим солдатам.

и укрепляли национальные чувства ирландцев, тем более, что ирландский патриотизм рассматривался английскими властями как таковое преступление и карался тюремным заключением и даже смертью. Борьба за землю, которая была источником существования ирландского крестьянина, пропитала кровью почву Ирландии, и эта борьба длилась века, так как она не была только борьбой за право возделывать свое поле и пользоваться плодами своего труда, но включала также и стремление ирландского народа к независимости, к восстановлению своих национальных прав.

Земледелие и скотоводство составляли главное занятие ирландских крестьян, и отнятие у них земли, конечно, сразу подорвало их благосостояние. Но Англия стесняла также промышленность и торговлю Ирландии, опасаясь ее конкуренции со своей собственной торговлей и промышленностью. Ирландцам было запрещено вывозить для продажи мясо, сыр и масло, а когда они стали разводить овец и вывозить шерсть на иностранные рынки, то немедленно последовал запрет вывозить ее куда либо, кроме Англии. И такому запрету систематически подвергались все продукты ирландской промышленности.

Ирландские крестьяне восстали не только против класса землевладельцев, но и против всей системы английского управления. Ирландские лендлорды были не просто помещики, владельцы больших участков земли, отнятой у крестьян, а представляли могущественный английский политический гарнизон в Ирландии, снабженный всеми средствами, необходимыми для борьбы и укрепления своей власти в стране. Государство оказывало поддержку лендлордам. Они могли влиять на парламент и побуждать его к самым несправедливым мероприятиям в отношении Ирландии и к узаконению всякого насилия, лишь бы это отвечало их желаниям и выгоде. Ирландским крестьянам, арендаторам и рабочим всегда приходилось сталкиваться с английскими судьями, с английскими законами, с английскими солдатами, при малейшей попытке добиться признания своих человеческих прав и справедливости, побегали ли они для этого к законным или незаконным способам борьбы с политической и социальной властью, господствующей в Ирландии.

Ирландский народ ничем не владел в своем отечестве, — все было у него отнято! Хижина, в которой он жил, поле, над которым он трудился, — все было чужое. Им управляли чужеземцы и законы чужой страны. Ирландец в своем собственном отечестве был человеком, лишенным всяких прав, каким то беззаконным пришельцем, которого можно прогнать с его земли и выгнать из утробы из его дома.

Любопытно, что первыми брошенными вызов английским законам и конфискация земель и английским властям были «Тори»

(название, которое уже более полутора столетия лет носит консервативная партия в Англии). Но ирландские «тори» боролись с английской властью и за это были объявлены вне закона. Они были ирландцами, собственниками земли, выгнанными из своих владений английскими колонистами при помощи английских войск, и назывались «тори», данное им, произошло от ирландского слова «бродяга». Это были ревностные католики или паписты, как их называли, и были приверженцами королевского дома Стюартов. Они были объявлены вне закона в Ирландии и, действительно, вели жизнь бродяг. Ирландские крестьяне скрывали их и кормили, а британские солдаты охотились за ними, как за дикими зверями, и убивали их. За головы их вождей была назначена большая награда, что, разумеется, только усишило преследования и охоту за ними. Они жили в лесах и пещерах и имена многих из них прославляются в ирландских народных сказаниях и песнях. Одним из таких ирландских народных героев был «тори» Даниель О'Киф. Ему принадлежал замок, живописные развалины которого до сих пор еще красуются, привлекая взоры путешественников, на берегу Черной реки. Даниель О'Киф сражался с солдатами Кромвелля, когда же Ирландия была покорена ими, то он покинул родину, куда вернулся только, когда рушилось правление Кромвелля и на английский престол вступил Карл II, из дома Стюартов. После сражения при Бойне и победы Вильгельма Оранского, английского короля, окончательно поработившего Ирландию, О'Киф опять должен был вести жизнь бродяги вне закона. Пещера в крутой, высокой скале, повисшей над Черной рекой, была его жилищем и до сих пор сохраняет свое название «Пещеры людей вне закона». Оттуда Даниель О'Киф руководил набегами на английских колонистов, завладевших землями ирландцев.

Каждая область в Ирландии имеет своего героя «тори», имя которого сохраняется в народной памяти. К числу таких героев принадлежат и братья Бреннан и Кильнени, которые были схвачены англичанами в 1683 году и приговорены к повешению. Их уже повели к виселице, но работа палача была прервана подоспевшей помощью. Отряд храбрых ирландских добровольцев внезапно вылез на англичан, на судью (шерифа) и его солдат и отнял у английского правосудия его добычу. Братья бежали в Англию, но их снова арестовали и бросили в тюрьму. Однако, они изловчились бежать и оттуда, связали своих тюремщиков и заперли их в тюрьме.

Самая северная провинция Ирландии, Ульстер или Ольстер, протестантское население которой ведет теперь такую упорную борьбу против закона о самоуправлении Ирландии (гомруля) и отделении ее от Англии,—в те времена, т. е. во второй половине 18 века,

была местом, где впервые зародились в Ирландии стремления к более широкой политической свободе, выразившиеся в деятельности Флуда, члена ирландской палаты общин в 1759 г. Флуд стоял во главе партии, добившейся независимости ирландского парламента. Но Флуд, добивавшийся расширения народных прав в Ирландии, был слишком ревностный протестант и поэтому всеми силами противился распространению политических прав на католиков. Религиозные разногласия и расовые различия таким образом мешали сближению в Ирландии двух национальностей—англосаксонской и кельтской.

Уэльстерцы являются потомками завоевателей Ирландии, поселившихся в ней после ее покорения Вильгельмом Оранским, в память которого они и называют себя теперь «оранжитами». Они преданы британскому владычеству и привыкли считать себя представителями господствующей национальности. Кто бы они ни были, фермеры, лавочники или фабриканты, они всегда находили, что государство обязано охранять их интересы и всегда отдавать им предпочтение перед ирландцами католиками.

Борьба с аристократией и грабительскими наклонностями английских помещиков гораздо резче выражалась в южных и западных частях Ирландии, нежели в ее северной части. Население южных и западных областей горячо защищало свое право на землю, на продукты своих груд, против посягательств лендлордов. Там образовался первый тайный союз так называемых «Белых парней», появившийся в 1760 году. «Белые парни» добивались справедливости, но в стране, где действовали самые несправедливые законы англичан и народ был совершенно бесправен, они вынуждены были прибегать к незаконным способам борьбы, чтобы заставить английских лендлордов относиться к своим фермерам по-человечески. Ведь жизнь овцы или фалана значила гораздо больше в глазах английского законодательства, нежели жизнь человеческого существа! В распоряжении ирландских помещиков всегда имелись английские солдаты, полиция, английские законы, тюрьма и виселица. Естественно, что «Белые парни» в свою очередь мстили за это нападениями и даже убийствами. Путем террора они все же оказывали некоторую защиту ирландским крестьянам и хотя несомненно, что и они совершали не мало насилий и жестокостей, но все же ими был нанесен первый решительный удар необузданной тирании помещиков и подтверждены высшие естественные права народа на землю и труд.

К такому бесправному положению ирландских крестьян присоединились еще и религиозные преследования. Ирландцы католики терпели всевозможные притеснения, причем англичанами выдавалась даже денежная награда за перемену религии, т. е. за переход

из католицизма в протестантизм. Дети католиков пользовались большими преимуществами, если они изменяли религии своих отцов и переходили в протестантизм. Но в особенности английские власти поощряли доносчиков. Они назывались «гонителями католических священников», и эта профессия считалась даже очень почетной. Однако эти гонения только усиливали преданность ирландцев католикам к своей религии и своим священникам, которые в ирландском революционном движении сыграли большую роль. Казни священников не составляли редкого явления, в особенности таких, которые пользовались популярностью в народе и всеобщим уважением. Английские власти не гнушались в таких случаях прибегать к подбугу свидетелей и на основании таких ложных свидетельских показаний спокойно отправляли на виселицу людей, совершенно невинных в тех преступлениях, в которых их обвиняли.

Но англичанам сила заменяла право, и они распоряжались в завоеванной стране, не обращая внимания на страдания народа и не делая ничего для их облегчения. Малейшее и полновесное ирландцев облегчить свое положение подавлялось силой, как бунт, и неповиновение властям и законы против «Белых парней», изданные ирландским парламентом, в котором заседали лендлорды, отличались чрезвычайной суровостью. Ничего не удивительного, что «Белые парни» в своих тайных судилищах выносили точно такие же приговоры лендлордам и приводили их в исполнение с беспощадной жестокостью.

Озлобление возрастало с той и другой стороны. На одной стороне была сила и власть, а на другой — только право жертвовать своей жизнью ради освобождения своей родины и народа. Убийства, поджоги и разрушения собственности помещиков были в сущности только ответом на насилие англичан. Все таки «Белые парни» оказывали некоторую защиту ирландским крестьянам, жизнь и труд которых всегда нах дились в опасности и зависели от произвола лендлордов и английских властей.

Кроме «Белых парней», в разных местностях Ирландии и под разными именами назывались, действовали другие тайные союзы, также не дававшие покоя лендлордам, вследствие чего многие ирландские лендлорды не решались жить в св их поместьях и даже никогда туда не заглядывали, а ограничивались лишь тем, что посылали управляющих вместо себя, которые и должны были вымогать деньги с фермеров и в случае чего — прибегать к военной силе.

Большую известность приобрели в Ирландии так называемые «Имми луного саяния», всегда действовавшие по ночам, «Дубоые сораца» и «Статые парни». Это были в е-те же «Белые парни», только называвшиеся иначе, в зависимости от области, где они действовали. Назвать их было трудно, еще и благодаря тому, что

они внушали суеверный страх полицейским, которые были уверены, что все эти заговорщики заключили договор с нечистой силой и она помогает им. Поэтому полицейские не особенно настойчиво разыскивали виновников, если этими виновниками были члены тайного союза. Но зато они старались навести в другом отношении и хватали невинных, руководствуясь только подозрением, или даже предположением, что они могли быть сообщниками бунтовщиков ирландцев. И масса таких невинных людей погибала на виселице и томила в тюрьмах, а в Ирландии не прекращались волнения, смуты, убийства и пожары. Преследования делали то, что число сторонников тайных союзов все возрасало среди ирландских крестьян, страдавших от невыносимого гнета английской власти.

Ирландские крестьяне католики между прочим очень тяготились также и тем, что должны были выплачивать «десятину», т. е. десятую часть своих доходов в пользу протестантских священников. Между тем им приходилось содержать также и свою католическую церковь, и такая двойная повинность была, конечно, очень тяжела ирландским крестьянам, с которых кроме того вымогали свои доходы и помещики. Протестантские священники так же, как и помещики, большею частью относились безжалостно к голодающим семьям ирландских крестьян и, не заирая на их бедственное положение, заставляли их выплачивать требуемое. И вот среди ирландских крестьян тоже возник тайный союз, названный по имени своего вождя, капитана Райт (по английски право), «Союзом справедливости или права». Члены этого союза заставляли крестьян давать клятву, что они не будут платить десятину, а если кто из них, под влиянием страха перед полицейской властью, выплачивал требуемое протестантским священником, то союз «Справедливых парней» наказывал его за трусость и малодушие.

Борьба была упорная и известна под именем «десятиной войны», но окончательно сломить сопротивление ирландских католиков англичанам не удалось. Несмотря ни на казни, ни на тюремное заключение всех подозреваемых в соучастии, английским властям все же не удавалось изловить настоящих виновников различных преступлений, совершаемых на этой почве, и английскому духовенству, волею-неволею, пришлось таки отказаться от этого дохода, возмещение которого всегда было сопряжено с такими огромными трудностями.

Члены всех этих тайных союзов обязывались под страхом смерти хранить в строжайшем тайне все, что происходило в союзе, и беспрекословно выполнять все его постановления. Обыкновенно эти тайные союзы раскрывали свои приказания на воротах тех домов, где жили лица, от которых они требовали выполнения своих приказов. Управляющий или арендатор поместья какого-нибудь ленд-

лорда, требовавший слишком высокой платы от своих фермеров и из-за угрозы им выселением, очень часто утром находил приклеенное к дверям своего дома следующее объявление: «Предупреждаем вас, что мы более не потерпим подобной несправедливости с вашей стороны. Вы не смеете требовать такой высокой платы от своих фермеров».

Тот, кто получал такое предупреждение, знал уже, что его ожидает в случае неисполнения требования. Такие объявления всегда нагоняли страх, так как все знали, что подобной угрозой нельзя пренебрегать и тайный союз непременно будет мстить. Если союз произносил смертный приговор человеку, пренебрегшему его предупреждением, то для выполнения этого приговора выбирался кто-нибудь из членов союза. Избранный не имел права отказаться от такого поручения и всегда исполнял его. Разумеется, английское правительство употребляло с своей стороны все средства, чтобы наказать виновников преступлений, совершаемых по предписанию тайного союза. Но лишь в редких случаях удавалось изловить виновника. Всем было известно, что тайный союз будет мстить за своего члена, и тот, кто выступит свидетелем и наведет полицию на след преступника, тоже будет наказан смертью. Поэтому судьи должны были принимать самые экстренные меры, чтобы оградить безопасность свидетелей. Для этого они сажали их в тюрьму, и они находились под охраной полицейских до тех пор, пока не покидали Ирландии, где жизнь их находилась в постоянной опасности. Иногда даже сами раненые, на жизнь которых было совершено покушение, скрывали от полиции имена убийц, хотя и знали их, опасаясь навредить имению тайного союза на своих близких. Один известный английский историк рассказывает следующий случай: «Управляющий имением одного лендлорда был смертельно ранен и врачу, подававшему ему помощь, сознался, что знает человека, который стрелял в него. Достаточно было одного слова, чтобы предать убийцу в руки английского правосудия, но это слово не было произнесено раненым, который через три дня умер, не выдав своего убийцу».

Такое положение дел в Ирландии выводило из себя англичан и в особенности возмущало зажиточных землевладельцев и английских чиновников, жизнь которых подвергалась постоянной опасности. Тайные убийцы всюду подстерегали их из-за угла и открыто гулялись над всеми распоряжениями английского правительства. Английское же правительство, с своей стороны, отвечало на это суровыми репрессиями, казнями, арестами, исключительными мерами, но ничто не изменялось в Ирландии, и убийства были самым обычным явлением.

ГЛАВА III.

Теобальд Вольф Тон. — Союз объединенных ирландцев. — Священник Джон Мурфи. — Неудавшиеся восстания. — Образование унив. — Роберт Эммет. — Даниель О'Коннелл. — Национальная Лига. — Популярность О'Коннелла. — Суд над О'Коннеллом. — Движение в пользу отмены унии Великобритании и Ирландии. — Молодая Ирландия. — Черный год.

Великая французская революция, конечно, отразилась и в Ирландии. Она не могла не произвести сильного впечатления в стране, где народ был угнетен и лишен человеческих прав. Великие лозунги французской революции: «свобода, равенство, братство!» нашли тотчас же отклик в Ирландии. Падение Бастилии и дальнейшее развитие революции вызвали в Ирландии громкое и радостное ликование. Протестантское и католическое население Ирландии, постоянно враждовавшее до этого времени, тут позабыло свои разногласия. Французская революция объединила их, указав им на общую цель и стремления.

Отголоском французской революции явился «Союз объединенных ирландцев», основанный в Бельфасте молодым ирландским адвокатом Теобальдом Вольфом Тоном, протестантом, страстно ненавидевшим Англию за ее притеснения и несправедливости в Ирландии. Тон был очень способный, красноречивый оратор и большой энтузиаст. Основанный им союз, во главе которого вначале находились только ульстерские протестанты, быстро распространился по всей Ирландии и проповедывая идеи французской революции. Он подготовлял в Ирландии революцию, которая должна была вызвать переворот и превратить её в самостоятельную республику. Вольф Тон выступал на митингах и в клубах и всегда восставал против тирании англичан, доказывая необходимость для Ирландии отделиться от Англии и добиться независимости. В 1796 году Вольф Тон даже отправился во Францию просить у Директории военной помощи для подготовки восстания в Ирландии. Он добился того, что в Ирландию была отправлена французская флотилия, а сам отправился вместе с нею. Но экспедиция не удалась, так как вследствие сильной бури нельзя было высадиться на берег. Однако эта неудача не охладила рвения Тона. Созданная им в северных провинциях организация «Объединенных ирландцев» распространилась и в южной Ирландии. Это тайное общество имело военное устройство, а его отряды, состоящие из волонтеров, были распределены по разным округам и находились под начальством избранных офицеров. Власть сосредоточивалась в руках лишь немногих вождей. Члены организации были связаны клятвой и им раздавались пароли. Вообще, это был грандиозный заговор, но участники его, южные ирландцы-католики и

северные—протестанты, имели в виду разные цели. Уэльстерцы стремились к государственному перевороту, к превращению Ирландии в независимую республику, тогда как южные ирландские фермеры стремились только к отмыщению лендлордам, к освобождению от произвола помещиков и их управляющих и к владению землей и продуктами своего труда.

Однако, до поры до времени, цели эти сходились, и Тону удавалось объединить ирландцев различной веры и различного происхождения. К несчастью, такая случайность, как буря, разрушила его планы, очень искусно подготовленные. 15.000 лучших французских войск были разбросаны у берегов Ирландии и не могли высадиться. Крестьяне же в окрестностях не двинулись с места, и восстание не удалось. Тем не менее и после этой неудачи революционное движение продолжалось. В Дублине даже было организовано тайное революционное правительство, состоящее из пяти членов, по образцу французской Директории. Предполагалось завладеть столицей и поднять знамя всеобщего восстания, как только произойдет высадка французских войск, идущих на помощь Ирландии.

Тон, который не мог высадиться в Ирландии по случаю бури, вернулся с экспедицией во Францию, чтобы продолжать агитацию среди французозов. В 1797 году он вернулся в Ирландию, где в это время уже начался разлад между «Объединенными ирландцами». В южных провинциях господствовал настоящий террор. Милиция оранжистов помогала английской полиции в преследовании ирландских крестьян-католиков. Целые города были преданы разграблению, и вооруженные банды свободно разгуливали по стране, наводя ужас на поселян и часто прибегая к пыткам, чтобы вынудить признания и указания на лиц, подозреваемых в сочувствии революции. Разумеется, английские власти прежде всего постарались захватить вождей революции, и посредством подкупа и измены им удалось наложить руку на Дублинскую директорию. Всеми уважаемый и храбрый лорд Эдвард Финдджеральд, один из ее вождей, был арестован, но, к счастью, избег виселицы, потому что умер от полученных ран. Для поиска Вольфа Тона, который был душою и мозгом восстания, была организована целая экспедиция. Тон уже тогда окончательно потерял веру в успех своего плана, но сдаваться без боя не хотел и отчаянно сражался против англичан на море. Конечно, он был взят ими и предан суду, который, после долгих пререканий между гражданскими и военными судебными властями, приговорил его к смертной казни через повешение. Но Тон избежал рук английских палачей и сам лишил себя жизни в тюрьме, перерезав себе перочинным ножом артерии. Однако, он умер не сразу, а лишь после нескольких дней мучительной агонии. С ним сошел в могилу один из выдающихся ирландских вождей, настоящий

революционер, обладавший громадным энтузиазмом, самоотверженный и бескорыстный, умевший увлекать своим красноречием массы и вести их за собой. Он забывал о себе ради того дела, которому служил, и всегда был готов отдать свою жизнь ради счастья своего народа. Его последние слова, обращенные к его дорогим ирландцам, которых он заклинал, в память его, забыть свои распри, были очень трогательны. Он до конца видел спасение Ирландии только в объединении всех ее сил.

К несчастью, его мечты об объединенной Ирландии тоже потерпели поражение. Неудавшееся восстание скоро выродилось в религиозную войну. Жестокости протестантской милиции и английских солдат довели до отчаяния католическое население южной Ирландии, и там вспыхнуло восстание, во главе которого стоял священник Джон Мурфи, поклявшийся отмстить за разрушение своей церкви и поругание алтаря, произведенное солдатами. Джон Мурфи был выдающимся народным вождем. Он поднял крестьян своего прихода и, собрав их около себя при свете маяка, горевшего на соседнем холме, раздал им оружие и заставил их принести торжественную клятву. К нему скоро присоединились отряды фермеров и сбегались толпы людей, вооруженных пиками. Тогда он смело развернул знамя ирландской республики и увлек за собой других ирландских священников, всюду вербуя добровольцев. К нему стекались со всех сторон, и скоро он очутился во главе довольно значительных революционных сил. Даже английские историки признавали его выдающиеся способности, называя его прирожденным полководцем. Восстание разлилось широкой рекой по всей области и наделало много хлопот Англии, которой трудно было с ним справиться. В нем участвовали и протестанты и даже несколько землевладельцев ирландцев, из так называемых сельских дворян. Один из них, протестант, был выбран вождем «Народной армии». Но все же истинными вождями и вдохновителями восстания были два священника, Джон Мурфи и Филипп Ронн, обожаемые народом, которые пользовались кроме того советами старых ирландских воинов, служивших в ирландской бригаде.

Однако, на стороне англичан было все такое превосходство военных сил, и восстание было подавлено. Филипп Ронн был зверски убит во время переговоров с англичанами, а убитый Джон Мурфи до сих пор покрыт гайной. По всей вероятности, он тоже был изменнически убит, а войско его рассеялось. Ирландия была оккупирована английскими военными силами в 10.000 человек. Гражданская война прекратилась, но аграрные беспорядки продолжались. Английское правительство все таки не видело никакого другого способа изменить это невозможное положение, создавшееся в Ирландии, как только окончательно подчинить Ирландию своей власти.

Винственным исходом оно считало слияние Великобритании и Ирландии в одном парламенте. Но в ирландском парламенте с негодованием отнеслись к такому предложению и тогда английское правительство прибегло к подкупам. В Ирландии было несколько так называемых «гнилых местечек», т. е. старых, заброшенных деревень, но от владельцев этих местечек заняло большинство мест в ирландском парламенте. И вот английский парламент ассигновал несколько десятков миллионов на покупку этих местечек у их владельцев. Благодаря такому недобросовестному приему, английское правительство обеспечило себе огромное большинство голосов в ирландском парламенте и этим большинством была вотирована законодательная, или так называемая, окончательная уния Великобритании с Ирландией. В мае 1800 года ирландский парламент прекратил свое существование. Ирландия должна была посылать депутатов в британский парламент и сделалась уже неотъемлемой частью Великобританского государства.

Однако пропасть, существовавшая между победителями и побежденными, пожалуй, стала еще глубже и слияния Ирландии с Англией не произошло. Национальные и религиозные различия попрежнему разделяли два народа, не говоря уже о той ненависти, которая пустила глубокие корни в душе угнетаемых, не перестававших стремиться к освобождению от тирании господствующей нации и ее несправедливых законов.

Многие английские государственные деятели понимали, что полное единение Ирландии с Англией не может произойти при таких условиях, когда большая часть населения побежденной страны, — а именно католики, — не пользуется равными правами с остальным населением. Эту точку зрения разделял и английский первый министр Питт, настаивавший на отмене ограничений гражданских прав католиков. Но против этого решительно восстал король Георг III, что, между прочим, вызвало даже отставку первого министра. Понятно, что католики были возмущены такой несправедливостью и в ответ на нее явилось образование разных католических ассоциаций с целью оппозиции правительству. А в это время в Ирландии вновь вспыхнуло вооруженное восстание под руководством Роберта Эмметта, одного из вождей «Объединенных ирландцев». Нылкий и смелый Эмметт хотел осуществить программу Вольф Тона. Он тоже ездил во Францию, беседовал с Наполеоном и, вернувшись в Ирландию осенью 1802 года, говорил, что помощь Франции обеспечена. Обещал ли ему чтонибудь определенное Наполеон, или же увлекшийся ирландец сам вывел такое заключение из уклончивых речей первого консула, — это неизвестно, но только он сумел вновь поднять дух ирландцев, уже сложивших оружие перед английским правительством. Заговор имел большие разветвления и был хорошо

оборудован, но, к сожалению, в среде заговорщиков нашлись изменники. Английское правительство было во время уведомления и вместо проектируемого вооруженного восстания произошла только вооруженная стычка на улицах Дублина. Эмметт был арестован, заключен в тюрьму и через несколько недель казнен. В народе же сохраняется о нем память, как о герое непокорной Ирландии.

Восстание вызвало страшное негодование англичан и в Ирландии были вновь введены исключительные законы. Прошло десять лет с утверждения унии, но перемен в положении Ирландии не произошло. В этот период времени на сцене ирландской политической жизни выдвинулся Даниель О'Коннелль, чрезвычайно талантливый оратор, увлекавший своим красноречием толпы народа. Он принадлежал к старинному, но обедневшему роду ирландских землевладельцев, обучался во Франции и затем вступил в сословие ирландских адвокатов. Его ораторский талант и обширное образование скоро обратили на себя внимание, но прославился он не как адвокат, а как искренний и горячий ирландский патриот. Он был враг насильственных мероприятий и хотел действовать всегда только законным путем, надеясь, что ему все таки удастся заставить английский парламент, не прибегая ни к угрозам, ни к восстанию, изменить свое отношение к ирландскому католическому населению. С целью политического объединения всех ирландских католиков, О'Коннелль образовал «Национальную лигу», руководителями которой, согласно его плану, должны были быть ирландские католические священники, пользующиеся доверием и уважением среди народа. Благодаря своим организаторским талантам, О'Коннелль быстро осуществил задуманное дело и страна скоро покрылась целой сетью мелких ассоциаций, входивших в состав новой лиги. О'Коннелль устраивал чудовищные митинги, на которые собиралось иногда до 250.000 человек, и хотя он не проповедывал вооруженного восстания и даже заявлял себя противником таких мер, но все же он вызвал волнение в стране и английское правительство не на шутку встревожилось. Но О'Коннелль постоянно повторял: — Я одержу победу, но не думайте, что я одержу ее с оружием в руках! Она не должна быть полита кровью. Такая мысль не будет проклята! Я одержу ее мирными, законными путями, только силой общественного мнения и народного желания... Я собираю на митинги толпы народа лишь для того, чтобы показать, как велики те силы, с которыми английскому правительству придется иметь дело, если оно не исполнит законных требований Ирландии.

Однако английское правительство не спешило идти на встречу его желаниям. Но О'Коннелль не терял надежды и его громадная заслуга заключается в том, что он создал в Ирландии национальное

общественное мнение, даже не имея в своём распоряжении органов печати, и сумел сгруппировать в один обширный союз всю и вежественную массу ирландского населения. В сущности, он один воплощал в себе эту гигантскую ассоциацию, подобной которой еще не бывало в политической жизни Ирландии. Впрочем, ирландцы еще не привыкли тогда к политической деятельности, настоящей политической жизни у них не было, и они только повиновались своим священникам, всегда подавая голоса за кандидатов духовенства. И вот О'Коннелль своим мощным красноречием расшевелил всю мало-сознательную народную массу, и народ, сбегавшийся на его митинги, с величайшим волнением слушал его пламенные речи, с которыми он выступал во имя свободы и равенства, во имя католической церкви и угнетенной ирландской нации, привлекая таким образом к себе как симпатии католиков, так и симпатии ирландских патриотов и революционеров. С ро-он сделался самым популярным человеком даже в Европе и вызвал в Англии поворот в общественном мнении, так что английское правительство уступило настойчивым требованиям ирландцев и объявило «эмансипацию» (освобождение) католиков в 1829 г.

Ирландцы были в восторге и уже готовы были праздновать победу, но восторг эти были преждевременные. Правда, ирландцы-католики получили право голоса на выборах, но они все так находились всецело в зависимости от протестантов. Мировые суды, полиция, присяжные заседатели, члены высшего суда, городские советы и т. д., — словом, все вообще лица, облеченные властью, были протестанты. Англиканская церковь пользовалась правами государственной церкви в Ирландии и хотя у нее почти не было прихожан, но она имела земельные владения и собирала десятину и налог на поддержание церковных построек со всех жителей, значит, в действительности, с крестьян католиков.

Популярность О'Коннелля и огромное влияние, которое он имел на толпу, было очень не по душе англичанам. Английское правительство было встревожено многочисленными митингами и решило положить им предел. Когда О'Коннелль созвал митинг в Клонгарде, возле Дублина, как раз в той местности, где ирландцы некогда одержали блестящую победу над датчанами, вторгшимися в их владения, то вдруг вице-королем Ирландии был издан приказ, воспреещающий митинг.

Между тем народ уже начал толпами стекаться на митинг, где должен был говорить любимый оратор. Столкновение между народом и солдатами казалось неизбежным, и О'Коннелль с ужасом думал о том, что может произойти. Возможно ли было заставить всю эту толпу, которая шла на призыв своего вождя, вернуться обратно?

Но тут то и подтвердилось огромное влияние О'Коннелля. Не

геря ни минуты, он обратился с воззванием к народу, умоляя всех разойтись по домам, так как, вследствие приказания вице-короля, митинг состояться не может. И тот самый народ, который пренебрег бы всякими приказами и угрозами вице-короля и не отступил бы даже перед вооруженною силою, бесценокословно повиновался своему вождю. Митинг не состоялся, но такое блестящее доказательство могущественного значения О'Коннелля, конечно, еще более встревожило английское правительство, которое и решило, что его нельзя оставлять на свободе.

О'Коннелль был арестован вместе со своими ближайшими друзьями и заключен в тюрьму в Дублине. Суд над ним тянулся целых восемь месяцев, потому что правительство употребило все усилия, чтобы добиться обвинительного приговора. Допросы велись очень пристально, свидетели были подкуплены, а присяжные нарочно подобраны. В конце концов правительство добилось своего: суд приговорил О'Коннелля к тюремному заключению на год и к уплате очень большого денежного штрафа, но О'Коннелль не захотел подчиняться такому приговору и обжаловал решение суда в палату лордов. Там его дело поручено было рассмотреть, в качестве верховных судей, пяти лордам. Из них двое настаивали на утверждении приговора, а трое отказались, и один из них громко заявил, что «приговор подтасован» и что «такое отношение к делу является насмешкой, посягательством и попранием всяких законов!» Благодаря настоянию этих лордов и других, разделявших их взгляды, приговор над О'Коннеллем был отменен, и он был освобожден из тюрьмы вместе со своими товарищами.

Разумеется, ирландцы с ликованием встретили его, когда он вышел из тюрьмы. Громадная толпа народа собралась его приветствовать, и восторженными криками и проявлениями радости, казалось, не будет конца.

О'Коннелль, уже за несколько лет до этого эпизода, дал новое направление своей деятельности и основал ассоциацию, которая должна была добиваться отмены унии Великобритании и Ирландии. К этому побудили О'Коннелля в особенности те принудительные меры, которые были введены в Ирландии английским первым министром Греем, уполномочившим лорда-лейтенанта Ирландии, начальника всех военных сил, приказать по своему усмотрению всякие народные собрания и объявлять в Ирландии военное положение. В Ирландию вместе с тем было послано 36.000 войска и 6.000 полицейских. О'Коннелль, разумеется, не мог примириться с этим и решил преобразовать католическую ассоциацию в лагерь протеста унии, связывавшей Ирландию с Англией. К его агитации присоединилась тотчас же и группа молодых талантливых ирландцев, разделявших взгляды союзных объединенных ирландцев и мечтавших о возрождении свободной и

независимой Ирландии, все классы которой соединились бы в единую ирландскую нацию. Этот кружок молодежи, назвавшийся «Молодой Ирландией», основал газету «Нация», с целью распространения идеи ирландской независимости, которая постепенно приобрела огромное значение в стране. Во главе «Молодой Ирландии» находились, между прочим, протестанты и многие из выдающихся и образованных людей того времени. Но хотя члены «Молодой Ирландии» и расходились во многих важных пунктах с О'Коннеллом, тем не менее они в начале горячо поддерживали его.

В сущности, «Молодая Ирландия» была революционной партией, не верившей в возможность добиться чего-нибудь от Англии законными средствами и мирным путем. Она надеялась конечно, что и О'Коннелль поймет это и встанет во главе восстания. Но, убедившись, что он не имеет такого намерения, «Молодая Ирландия» отошла от него, объявив, что она «ничего не ждет от английского правительства» и что «Ирландия должна надеяться только на себя и сама взять свои права». И партия стала деятельно готовиться к восстанию.

Влияние О'Коннелля и его популярность стали падать, О'Коннелль, повидимому, чувствовал это, но он уже состарелся, здоровье его испортилось и силы его были не те. Он уже не мог восстать, вернуть свою прежнюю популярность и значение. А тут еще для Ирландии наступило страшное испытание, — голод, вызванный неурожаем картофеля, составлявшего главную пищу ирландского населения. Это было в 1847 году, который так и называется у ирландцев «черным годом». Картофель, по неизвестной причине, подвергся гниению в земле, на полях, которые стали издавать нестерпимый запах. Весь посев картофеля был уничтожен этой странной болезнью и люди стали умирать от голода в своих хижинах или падая от истощения где-нибудь на дороге. Помощь английского правительства была недостаточна и кроме того запоздала. Более полумиллиона жителей погибло от голода, целые округа превратились в пустыню, так как жители их или вымерли, или переселились за океан, в Америку.

В этот мрачный год, больной и разбитый душевно и физически О'Коннелль, видевший крушение всех своих надежд и гибель своей дорогой родины, в последний раз появился в Палате Общин. Но это была уже только тень прежнего могучего трибуна, заставлявшего трепетать тысячи толпы народа при звуках своего голоса и увлекавшего своим красноречием массы. Он имел вид теперь немощного, дряхлого старика и лишь слабым голосом мог проговорить несколько слов, в которых заключалась мольба спасти Ирландию от гибели.

Но дни его и в самом деле были сочтены. Он отправился в Рим, но не доехал туда и по дороге умер в Генуе, оплакиваемый многими тысячами своих верных приверженцев. Последние годы его

жизни были омрачены как тем расколом, который произошел между ним и «Молодой Ирландией» так и тенью смерти, нависшей над его родиной. Но, в действительности, для дела Ирландии он умер уже раньше и созданное им движение в пользу отмены унии заглухло.

ГЛАВА IV.

Рост аграрных преступлений в Ирландии. — Риббонмены. — Газета «Молодой Ирландия». — Вильям О'Брайн. — Волнения 1881 г. и их влияние на Ирландию. — Раскол в партии «Молодая Ирландия». — Газета «Объединенный Ирландец». — Митчелль. — Восстание. — Изгнание фермеров. — Джеймс Стивенс. — Фени и их организация. — Ферванское движение и его особенности. — Вредные последствия раскола. — Арест Стивенса и его бегство. — Суд. — Рост революционного движения. — Нападение на тюремную карету. — Казни. — Врыв в тюрьмы. — Тайные судилища.

А в Ирландии дела шли все хуже и хуже. Народ умирал с голода, а самые способные, энергичные и деятельные люди покидали страну и отправлялись искать счастья за океан, в чужие края. Несмотря ни на какие исключительные и карательные меры английского правительства, все учащались преступления, называемые «аграрными», так как они совершались крестьянами из мести ленд-лордам и их управителям. Однако, даже среди лордов находились люди, осуждавшие действия английского правительства в Ирландии и заявлявшие в Палате лордов, что «в Ирландии народ погибает от безысходной нужды и что английские законы не охраняют крестьян так как владелец, выгоняя из жизни некультурных плательщиков, несчастных фермеров, убивает многих из них также верно, как если бы он выстрелил в них из ружья». При таких условиях крестьяне вынуждены прибегать для своей защиты к преступлениям!.. Но, к сожалению, английские законодатели и правители были глухи к таким речам.

Кроме «Молодой Ирландии», проникнутой революционными идеями, около этого же времени в Альстере образовался тайный союз «Риббонменов». Этот союз сделался самым внимательным и распространенным из всех тайных союзов в Ирландии в половине XIX века и поглотил союз «Белых Парней» и почти все другие тайные аграрные организации. Лендлорды боялись риббонменов, народ же относился к ним с большим уважением и смотрел на них, как на героев, потому что приговор, произносимый риббонменами, всегда кара за угнетение и преследование и заменил в глазах народа правосудие, которого от англичан он не мог добиться.

Риббонмены были связаны между собой клятвой и у них существовали условные знаки и пароли, по которым они узнавали друг друга. Английскому правительству не удавалось проникнуть в орга-

низацию этого тайного общества, хотя оно и посылало туда шпионов. В этом отношении союз риббоименов превзошел все другие ирландские тайные организации и лучше умел скрывать свои тайны. Во время великого переселения, наступившего после голода, когда миллионы ирландцев переправлялись в Соединенные Штаты, Канаду и Великобританию, риббоимены туда же перенесли свою организацию и вместе с этим перестали быть тайным обществом.

Между тем «Молодая Ирландия», группировавшаяся около газ. ты «Нация», приобретала все большее и большее влияние, благодаря талантливым людям, участвовавшим в ней, и широкой пропаганде ее вождей и руководителей газеты, поэта Томаса Дэвиса, Гавана Деффе, Диллона и Митчелл.

К числу вождей «Молодой Ирландии» принадлежал и Вильям О'Брайн, богатый человек, аристократ, гордившийся своим происхождением от древних ирландских королей. Он был протестант, воспитывался в Англии, в Кембриджском университете, и почти тотчас же по окончании курса был избран ирландским депутатом в Палату Общин. Сначала он примкнул к партии, поддерживавшей правительство, а затем, по истечении нескольких лет, перешел в оппозицию. Когда его спросили, что означает такая перемена, то он ответил, что многолетний опыт доказал ему невозможность другим путем защищать интересы своей родины—Ирландии. Разумеется, после такого решения, ему пришлось порвать с прежними друзьями, и даже родные отвернулись от него. Но зато в Ирландии его встретили с восторгом.

О'Брайн был раньше приверженцем О'Коннелла и без колебаний шел за ним, как за своим вождем, стремясь, вместе с ним, законными путями достигнуть расторжения унии. Но, убедившись в небыточности таких надежд и не веря в успех парламентской борьбы, О'Брайн разошелся во взглядах с О'Коннеллом, перешел на сторону таких выскочек революционеров, как Митчелл и Деффе. Примкнув к партии «Молодой Ирландии», он скоро сделался одним из ее вождей, пользуясь большим влиянием среди своих товарищей. Голод в Ирландии способствовал успеху революционной пропаганды, так же как и волнения, происходившие почти во всех государствах Европы в 1848 году. В особенности февральская революция во Франции привлекла ирландских революционеров. Реально было вновь попытаться получить помощь от Франции, и О'Брайн отправился в Париж, во главе депутации, просить помощи у временного правительства. Однако, Ламартин, хотя и уверял его, что горячо сочувствует делу освобождения Ирландии, все-таки отказал в каком либо активном содействии. Тогда в партии «Молодая Ирландия» произошел раскол, и более крайние ее члены, настаивавшие на необходимости поднять знамя восстания в Ирландии, вышли из редакции газеты

и был одним из самых его деятельных членов, а когда вспыхнуло восстание, то немедленно присоединился к бунтовщикам. Во время нападения на укрепленную ферму, он был ранен в ногу и знал, что ему грозит неминуемая смерть, если его найдут, он с трудом отполз дальше и притаялся во рву. Когда полицейские солдаты одержали победу и бунтовщики разбежались, то Стифенс остался лежать во рву и притворился мертвым. Солдаты, думая, что он действительно убит, бросили его там, где он лежал. Когда они удалились, Стифенс с немощными усилиями выбрался из рва. Его приютили на ближайшей ферме и затем отец его, чтобы обмануть полицейских, разыграл комедию похорон убитого сына, привез на ферму заколоченный гроб, в котором будто бы находился его прах. В местной газете была напечатана заметка, что он был убит во время кровавого столповения. Между тем Стифенс, немного оправившись, пробыл во Франции и несколько лет прожил в Париже, зарабатывая средства к жизни уроками английского языка и переводами некоторых произведений Диккенса на французский язык. Он по-прежнему делал мечты о вооруженном ирландском восстании и для этого вступил в сношение с разными таинными обществами, которых там было немало во Франции. Убедившись однако, что на помощь французам рассчитывать нечего, он составил грандиозный план объединения всех ирландцев, живущих в Ирландии и в Америке, в один огромный союз. Его товарищ, другой революционер Джон О'Магони, сочувствовавший его идее, отправился в Нью-Йорк, чтобы там вербовать сторонников, а Стифенс вернулся на родину и там сделался вождем самых несчастных, обездоленных ирландских крестьян. Он действовал одновременно с О'Магони и организованный им революционный союз назван «Ирландским республиканским братством», а тот же союз в Америке, организованный О'Магони, был им назван «обществом фенив». Название «фенив» было взято им из истории Ирландии. Так назывались солдаты древнего ирландского войска, милиции, и потому это название пришлося ирландцам очень по душе. Каждый вступавший в это общество должен был принести следующую клятву: «Перед лицом Всемогущего Бога я клянусь в верности ирландской республике, основанной теперь, и клянусь защищать ее независимость с оружием в руках, если это понадобится. И клянусь также беспрекословно исполнять приказания высших начальников общества».

Междоусобная война, возникшая в Северной Америке, несколько замедлила рост фенианского движения, но тем не менее все ирландцы, живущие в Америке, откликнулись на призыв, обращенный к ним, и обещали свою помощь деньгами и оружием. В Ирландии же агитация Стифенса имела успех и ему удалось сплотить недовольных для новой борьбы за свободу и независимость Ирландии. Каж-

дый член этого революционного братства обязывался употребить всевозможные усилия, чтобы превратить Ирландию в независимую демократическую республику, и так как главной задачей фениев была подготовка вооруженного восстания, то они и были организованы по-военному. Каждый отдел составлял как бы особый полк, и тот, кто стоял во главе отдела, считался полковником и был обозначен первой буквой азбуки—А. В его распоряжении находились девять капитанов, значившихся под буквой В. Дальше шли унтер-офицеры, потом рядовые, и все обозначались буквами азбуки, по порядку, причем соблюдалась самая строгая конспирация. Глава отдела или отряда, т. е. А, был известен только своим непосредственным подчиненным, т. е. капитанам или В. Кроме того каждый член общества имел свою особую партийную кличку.

Во главе всей организации стоял Стифенс, от которого исходили все приказы и лозунги. Справедливо полагая, что среди землевладельцев, имеющих банковские счета, он мало встретит сочувствия своей идее, Стифенс вел свою пропаганду среди крестьян, ремесленников и рабочих. Там он нашел благоприятную почву и быстро набирал сторонников. Убедившись в успехе своей пропаганды на родине, он поехал в Соединенные Штаты, чтобы удостовериться, как там идет дело, и укрепить связь между революционным братством Ирландии и организацией фениев в Америке.

Ирландцы в Соединенных Штатах восторженно встретили Стифенса. Потомки ирландских переселенцев, родившиеся в Америке и никогда даже не бывавшие в Ирландии, тем не менее считали ее своим отечеством и питали к ней горячую любовь, вместе со жгучей ненавистью к англичанам, как к притеснителям своей дорогой родины. Они знали, по рассказам своих родителей, которые вынуждены были покинуть Ирландию и поселиться в чуждой стране, о том, как поступали англичане с ирландским народом. Когда приехал Стифенс, то в Чикаго был устроен съезд фениев, на котором и было постановлено возобновить борьбу Ирландии с Англией и подготовить восстание.

Фенианское движение разрасталось. Оно несколько отличалось от прежних революционных движений в Ирландии, главным образом имевших в виду борьбу за землю. Фенин же выдвигали на первый план борьбу за свободу и самостоятельность Ирландии. «Когда Ирландия станет независимой республикой, то земля будет ваша», говорили они крестьянам.—Каждый фермер станет тогда землевладельцем. Но этот переход земли к народу совершится не ранее того, как Ирландия прекратится в республику. Народ должен сам добиваться этого и спасти себя, так как именно он—источник всякой политической и социальной власти и не должен забывать этого».

Фенин призывали не вооружаться и готовиться к восстанию, не полагаясь ни на обещания своих властителей англичан, ни на буржуазию, ни на помещиков. Обращаясь к женщинам, фенианские агитаторы заклинали их «ни в каком случае не выходить замуж за человека, который не доказал им, что он ирландский патриот и не вооружен для защиты родины! Такой человек не годится в мужья ирландской женщины».

В воззваниях фениев уже заметен оттенок социализма, так как в них говорилось об угнетении труда и о борьбе против капитала.

В то время, как фенианское движение медленно, но неудержимо развивалось, Ирландия была с виду совершенно спокойна, и это кажущееся спокойствие продолжалось почти десять лет, так что английское правительство уже полагало, что Ирландия заирела окончательно и что ирландцы, потерпев неудачу в своих попытках к восстанию, наконец благоразумно покорились своей судьбе. Однако такое заключение было преждевременно. Ирландцы чувствовали свое бессилие, а потому притихли, но они не примирились со своей судьбой. Более проникательные английские деятели не доверяли этому кажущемуся спокойствию.

Но общему делу вредил раскол, происходивший между самими же ирландцами, часть которых, применившая к «Молодой Ирландии», решительно высказывалась против каких бы то ни было насильственных действий, тогда как другие, наиболее революционно настроенные, разделяли взгляды фениев. Благодаря такому коренному разногласию, никакие общие совместные действия не были возможны, и английское правительство имело полную возможность втихомолку производить свои расследования. Деятельность фениев в Соединенных Штатах не ускользнула от внимания английской печати, и английские газеты неоднократно ставили на вид североамериканскому правительству, что в Соединенных Штатах беспрестанно идет революционная пропаганда и находятся главные центры фенианской деятельности. Впрочем, в Европе, кроме Англии, никто не придавал большого значения фенианскому движению до поры до времени, хотя английские политические издания признавали его существование и сообщали, что фенианское тайное общество имеет своих вождей, вельных и гражданских, имеет свои фонды, фенианские агенты, свои значки, законы и наказания, свои тайные склады оружия, свою печать, свои песни и вообще всеми способами распространяет свое влияние даже среди солдат британской армии и среди тюремных сторожей. В противоположность прежним революционным движениям в Ирландии, фенианство не искало поддержки в католицизме и, даже, наоборот, относилось скорее враждебно к служителям католического вероисповедания, что весьма пугало англичан.

Фенин подчеркивали также свою ненависть к собственникам, сапожникам и капиталистам, кто бы они ни были.

Английские шпионы, проникнув к фенин, осведомили правительство о грандиозном заговоре и тогда оно решило принять энергичные меры и начать преследование этого тайного общества, деятельность которого еще не выразилась никакими преступными действиями. Фенинская газета «Ирландский народ» была закрыта и в редакции произведен обыск, причем были найдены документы, доказывающие наличие заговора. Получив в руки такие улики, правительство не замедлило воспользоваться ими и тотчас же арестовало всех главных сотрудников газеты и посадило их в тюрьму. Кроме того, чтобы иметь право распоряжаться в Ирландии по своему произволу, правительство временно отменило в Ирландии действие закона, ограждающего неприкосновенность личности и известного под латинским названием «Habeas Corpus». Этот закон не допускает ареста или заключения в тюрьму без достаточных улик и постановления суда, поэтому в Англии никакие власти не могут сажать людей в тюрьму по своему произволу, зная, что за такое незаконное действие им придется отвечать перед судом. Приостановка действия этого закона в Ирландии развязывала руки английским властям. Английский риче-король в Ирландии отдавал приказ без церемонии хватать всех «подозрительных» людей и бросать их в тюрьму. Разумеется, полиция очень охотно исполняла это приказание. Но поймать главного деятеля, Стифенса, бывшего душой заговора, ей долго не удавалось, хотя за поимку его была обещана награда в 200 фунтов стерлингов. Никто из фенинов однако не польстился на такую большую награду и не выдал своего вождя; полицейским удалось наложить на него руку лишь тогда, когда они нашли его жену и проследили за ней. Стифенс не стал защищаться, когда явились полицейские, чтобы арестовать его, хотя у него и было при себе оружие. Он без всякого сопротивления позволил себя увести в тюрьму, но полицейские сами трусили и поэтому для сопровождения Стифенса был вызван целый отряд солдат.

Приведенный на допрос к судье, Стифенс гордо заявил, что не станет отвечать ни слова на его вопросы. Ответить—значило бы повиноваться английским законам, а он их не признает в Ирландии! Судьи так и не могли от него ничего добиться. Тем не менее судебный процесс шел своим чередом и заключенные в тюрьму фенины охранялись особенно тщательно. На помощь тюремным сторожкам был командирован отряд солдат и уголовным арестантам было приказано давать сигнал по всякому поводу, возбуждающему сомнения.

Тюрьма была крепка, стены ее были очень высоки и запоры очень прочны. Стифенса охраняла многочисленная стража и все

таким он ухитрился бежать из тюрьмы и бесследно скрыться. Как потом выяснилось, это произошло не без участия тюремной стражи, среди которой были фени. Но тогда никто не мог понять, как это случилось, и побег Стифенса произвел немалое впечатление, как в Дублине, так и во всей Англии.

Между тем Стифенс, бежав из тюрьмы, оставался в Дублине в течение нескольких месяцев, затем он, в сопровождении полковника Келсея и Джона Флуда, тоже беглецов, скрывавшихся и объявленных вне закона, пробрался на парусной лодке в Англию. Все трое проехали в Лондон по железной дороге, в вагоне первого класса.

На вокзале Флуд повелительным голосом потребовал карету из самого аристократического отеля в Лондоне, и никому из окружающих в голову не пришло, что подехавшие «важные джентльмены» были ни более, ни менее, как ирландские беглецы, разыскиваемые полицией. За одного Стифенса была уже назначена награда в 100,000, но это его несколько не смущало, так как он был уверен, что никто его не выдаст. Он спокойно проехал по городу в открытом экипаже, никем не узнанный, хотя его приметы были расклеены повсюду, и затем из Кале благополучно переправился во Францию, о чем и уведомил телеграммой свою жену.

Стифенс, подобно всем ирландским бойцам, сидел в тюрьме, но он был единственным из них, надеждавшим на английские законы в области их непосредственного воздействия. Он бежал из тюрьмы, ускользнул из рук блюстителей закона в то время, когда за его поимку была назначена огромная награда и, несмотря на то, что он вызвал и организовал самое обширное революционное движение, какое только существовало в Ирландии со времен Вольфа Тона, он все-таки мог впоследствии, на склоне дней, спокойно вернуться в страну, ради которой он так часто рисковал своей жизнью и свободой и на служение которой беззаветно отдавал все свои силы как молодого революционера.

Процесс фениев, происходивший уже после побега Стифенса, послужил для революционного братства грандиозным средством агитации, так как зал суда был битком набит публикой и даже на улице толпился народ, который не мог получить доступа в здание суда. Все газеты были наполнены отчетами с процесса и речи осужденных производили в народе огромное впечатление.

Озлобленные английские судьи выносили самые суровые приговоры. Многие из обвиняемых, против которых даже не было никаких улик, были приговорены к каторге от пяти до двадцати лет. Но все подсудимые держались на суде с большим достоинством, вели себя не как преступники, а как военнопленные, попавшие в руки ожесточенного врага. Один из них, восторженный ипохондрик,

О'Донован Расса, был приговорен к пожизненному заключению. Он с величайшим хладнокровием выслушал этот приговор. Отказавшись от помощи адвоката, он сам произнес свою защитительную речь, которая в сущности была обвинительной речью против английского правосудия, и сам дошел и довел своих судей до полного изнеможения. Но особенное впечатление произвели краткие, но сильные слова О'Лири, приговоренного к двадцати годам каторжной тюрьмы.

— Я обвиняюсь в измене, — сказал он. — Измена — тяжкое и гнусное преступление. Но какие изменники считаются гнусными преступниками? Те, которые изменяют родине и своим друзьям! Англия же не моя родина, а я ведь никогда не предавал своей родины — Ирландии и своих друзей!..

Ирландские газеты, обсуждая этот процесс, заявляли:

— В словах О'Лири заключается вся суть дела. Ведь Англия действительно не наша родина и измена ей часто является доказательством преданности настоящей нашей родине — Ирландии. Англия правит нами при помощи грубой силы и без нашего спроса вводит у нас свои законы, облагает нас безмерными налогами и за малейшую попытку сопротивления ее власти приговаривает ирландцев к тюремному заключению и казни.

Суровые приговоры, вынесенные английскими судьями, содействовали популярности фениев в Ирландии, и революционное движение разраслось. Хотя процессы следовали за процессами, но деятельность фениев не прекращалась. Многие изменники и шпионы, выдавшие фениев, подверглись нежданному нападению, и во всех значительных городах Ирландии, на стенах домов, расклеивались прокламации. В народе распространялись фенианские брошюры и листки и из Америки постоянно прибывали свежие силы и денежная помощь революционному движению, так как богатых людей среди местных фениев было очень немного и большая часть их принадлежала к мелкой городской буржуазии. Крестьян тоже было немного.

Как мы уже говорили, ирландские лендлорды пользовались в течение десяти лет относительным спокойствием, пока фении вели свою пропаганду среди рабочих и крестьян, подготавливая восстание, которое должно было освободить Ирландию. За этот промежуток времени аграрные преступления почти прекратились, так как фении выдвигали на первый план борьбу за независимость, а не за разделение земель, считая, что вопрос о земле разрешится сам собой, когда Ирландия будет освобождена от ига англичан. А в это время лендлорды продолжали выгонять фермеров на улицу за неплатеж чрезмерной аренды, и за период времени с 1858 г. по 1870 г. было оставлено ими без крова и куска хлеба ни более ни менее, как 15,000 семейств ирландских поселян.

Стифенс, конечно, не отказался от своего плана произвести восстание в Ирландии, при участии американских фениев. И действительно, в марте 1867 года, в разных местах Ирландии вспыхнул мятеж, охвативший целых одиннадцать провинций. В некоторых местах произошли даже форменные сражения с полицией и войсками, но нигде фении не имели крупного и длительного успеха, потому что предупрежденное своими шпионами и предателями английское правительство сосредоточило в Ирландии очень большие силы. Кроме того и сама природа оказалась на этот раз против ирландцев. Пошел сильный снег, заваливший все ущелья в горах, и ирландским беглецам решительно некуда было укрыться, чтобы спастись от преследования полицейских. Долго выдерживать против натиска регулярных войск ирландцы не могли, и восстание было подавлено. Тогда начались обычные действия торжествующей власти: аресты, судебные приговоры и казни...

Осужденные с гордостью заявляли, что готовы умереть за святое дело освобождения родины. Ни в одном из них не замечалось ни малейших признаков малодушия. Их горячая, самоотверженная любовь к страдающей родине и героизм, обнаруженный ими, вызвали сочувствие даже среди англичан. В Лондоне состоялся грандиозный митинг протеста против смертного приговора, вынесенного одному из участников восстания, полковнику Берну. Замечательно, что на митинге не было ни одного ирландца, а были только англичане, но они все, как один человек, требовали отмены смертного приговора, и английское правительство не решилось идти наперекор столь резко выраженному общественному мнению и поэтому смертная казнь была отменена.

Однако, неудавшееся восстание всетаки нанесло чувствительный удар фенианскому движению. О возобновлении такой грандиозной попытки нечего было и думать и отдельные группы фениев стали действовать на свой риск и страх, организуя террористические акты и освобождая своих товарищей из тюрем. Загадочные убийства сильно волновали общественное мнение в Англии. Но никакие аресты и казни не прекращали преступлений. Английским войскам в Ирландии пришлось охранять лендлордов и городские власти. Английское правительство даже окружило Ирландию сторожевой флотилией, опасаясь высадки ирландских фениев из Америки. Многие англичане покидали Ирландию, опасаясь вооруженного нападения.

Через несколько месяцев после подавления фенианского восстания в Манчестере произошел следующий случай: двух фениев, которые сидели в тюрьме, повезли на допрос в тюремной карете. На обратном пути эту карету остановила группа вооруженных фениев и потребовала от полицейских освобождения арестованных. Полицей-

ские отказались и тогда фении решили силой освободить арестованных. Но дверцы кареты оказались запертыми на ключ, который находился в кармане у одного из полицейских, сидевших в карете с подсудимыми. Тогда одному из фениев пришлось в голову выстрелить в замочную скважину и таким образом открыть дверцы.

Это было сделано, дверцы были открыты, и арестанты выпущены на свободу. Но после этого произошла свалка, во время которой был убит полицейский офицер, сидевший в карете. Однако, арестованные успели спастись и англичане так и не видали их больше. Но результатом этого насильственного освобождения было то, что английские власти стали действовать с еще большим ожесточением. На этом делу было арестовано более шестидесяти человек, против которых даже не было никаких улик. Тем не менее они были приговорены к разным наказаниям, а пятеро были осуждены к смертной казни через повешение. Все это были юноши, которым не было даже двадцати лет. Четверо сознались, что они участвовали в устройстве побега, но утверждали, что убийство полицейского произошло совершенно случайно во время побега и что убивать они никого не хотели. Пятый, приговоренный к смертной казни, упорно отрицал свою вину и говорил, что он лишь случайно очутился в толпе, когда было произведено нападение на тюремную карету, и ничего не знал о заговоре. И тем не менее, хотя доказать его принадлежность к тайному обществу заговорщиков и нельзя было, но его все-таки приговорили к смертной казни и лишь после казни выяснилось, что он был схвачен по ошибке. Эта казнь вызвала возмущение общества, не только в Ирландии, но даже в Англии, и со всех сторон раздавались требования, чтобы казнь других осужденных была отменена. Но английское правительство не обратило внимания на эти требования и освободило только одного из подсудимых и то лишь потому, что он оказался американским гражданином и, следовательно, за него могло заступиться американское правительство.

Конечно, такое поведение английских властей только разжигало народную ненависть в Ирландии. Казни никого не устрашали и казненных прославляли, как мучеников за святое дело освобождения родины. Память о них благоговейно сохранялась в народе и, разумеется, при таких условиях о примирении не могло быть и речи. Казни настолько озлобили ирландцев, что в фениях применяли люди, которые раньше осуждали их образ действий. Последние слова казненных: «Боже, спаси Ирландию!» — произнесенные ими ввиду виселицы, послужили темой для одного стихотворения, которое было положено на музыку и стало ирландским национальным гимном. День казни (23-го ноября) был объявлен днем национального траура и до сих пор читается в Ирландии, где устраиваются по этому случаю торжественные процессии.

Прошло несколько месяцев и снова произошло событие, возмущавшее всю Англию. Это был взрыв каторжной тюрьмы, где сидели заключенные фении. Часть тюремной стены обрушилась, но вместе с этим рушилось и несколько соседних домов, причем оказалось много раненых и убитых. Перепуганные жители сначала не могли понять, отчего это случилось и подумали даже, что произошло землетрясение.

Опять начались аресты и казни. Хватали первых попавшихся и казнили, несмотря на доказанную непричастность к этому преступлению. Все осужденные на смерть фении держали себя как герои и мужественно шли на казнь. Никто из них не выдал своих товарищей, хотя англичане и старались добиться этого обещанием помилования, но успеха не имели среди осужденных.

— Оставьте меня в покое, — сказал один из них своим судьям. — Вы ничего от меня не добьетесь. Я рад, что умираю за родину!..

Полжизни в Ирландии не изменялось. То и дело совершались убийства каких-нибудь особенно ненавистных ирландцам лендлордов, управляющих или английских чиновников. Эти убийства совершались лишь после вынесения на собрании вождей тайного общества смертного приговора этим лицам. Собрания эти происходили обыкновенно ночью, где-нибудь в пустынном месте и представляли нечто вроде тайного судилища. И всегда находились люди, готовые выполнять этот приговор и убежденные, что, убивая назначенное лицо, они не совершают преступления, а лишь мстят англичанам за все притеснения и обиды, которые терпит от них ирландский народ.

ГЛАВА V.

Майкель Дэвтт.—Ирландская парламентская группа.—Чарльз Парнелль.—Ирландская дружина.—Некоронованный король.—Земельная Лига.—Очень голод.—Недобросовестность английских властей.—Канития Бойкот.—Увековечение его имени.—Распространение бейкота в Ирландии.—Визль об усмирении Ирландии.—Бесконечное заседание.—Лига женщин.—Отношение ирландских священников.—Удаление ирландских депутатов.—Арест Парнелля.—Кильмангамский договор.—Новое убийство.

Неудовольствие ирландцев главным образом вызывалось несправедливыми земельными законами англичан, отнимающими у народа землю, которую он обрабатывал, и заставляющими платить непомерно высокую аренду. Где бы ни собирались ирландцы, они непременно заводили разговор о земле. Финансовое революционное движение не разрешило этого жгучего вопроса народной жизни. Фении попрежнему выдвигали на первый план политические во-

просы, отодвигая на задний план вопрос о земле и продолжая надеяться на восстание, которое должно будет превратить страну в независимую республику. Вследствие этого фенианское движение стало замирать и у многих из фениев стало зарождаться сомнение в возможности добиться успеха таким путем.

К числу таких сомневающихся принадлежал и Майкель Дэвитт, автор замечательного исторического исследования о падении феодализма в Ирландии.

В то время Майкель Дэвитт, как опасный политический преступник, отбывал наказание в каторжной тюрьме.

Майкель Дэвитт был сыном бедного ирландского фермера, который принадлежал к обществу фениев. Не раз ему приходилось покидать свое жилище и скрываться от преследований полиции. Майкель родился как раз в то время, когда в Ирландии свирепствовал голод, и с детства посмотрел на разные тяжелые сцены и страдания бедняков. Ему было только шесть лет, когда лорд-лейенд выгнал на улицу и его отца со всей семьей. Отец Майкеля переселился тогда в Англию и мальчику пришлось испытать, после тяжелой крестьянской жизни, еще и тяжелую жизнь рабочего.

Майкель поступил на фабрику и там ему раздробило машинной правой руку, когда ему было только двенадцать лет. Он сделался калекой на всю жизнь. Совсем еще юношей он примкнул к фениев и скоро выделился среди них своей энергией и самоотвержением. Вскоре он был арестован английской полицией и суд приговорил его к пятнадцати годам каторжной тюрьмы. Эту тюрьму он называл своим «университетом». Он много размышлял во время своего заключения и, работая на каторге, строил планы освобождения своей родины. Раздумывая о причинах неуспеха фенианского движения, он пришел к заключению, что фениев делали большую ошибку, отодвигая на задний план вопрос о земле и как будто забывая о его важном жизненном значении для ирландского народа. Дэвитт находил также, что тактика фениев была ошибочна и что они не должны были отказываться от открытых выступлений на митингах и от мирных демонстраций. Не должны были они также отрекаться и от парламентской борьбы. Необходимо было, по его мнению, провести в парламент своих депутатов, которые могли бы открыто заявлять о нуждах Ирландии. Дэвитт находил, что если невозможно добиться независимости Ирландии, то можно было бы согласиться хотя бы только на автономию Ирландии, на то, чтобы иметь свой собственный ирландский парламент, признавая в то же время и верховную власть Англии. В политических вопросах Дэвитт, следовательно, допускал большие уступки, но зато в земельном вопросе он не шел ни на какие уступки и требовал передачи всей земли народу. По мнению Дэвитта, земельный вопрос

мог объединить огромное большинство ирландцев и создать таким образом широкое движение в стране.

Как раз в то время, когда Дэвидт еще сидел в тюрьме, в английском парламенте стала укрепляться маленькая группа ирландских депутатов и заявлять о себе. Эта группа называлась «партией голмуля», т. е. самоуправления Ирландии, — автономного ирландского правительства с ирландским парламентом во главе. Вождем этой парламентской партии был Исаак Бьют, сын протестантского священника в северной Ирландии, воспитанный во взглядах господствующей касты. Но, как добрый и отзывчивый человек, он не мог относиться равнодушно к страданиям своей родины и поэтому примкнул к движению, носившему в сущности революционный характер. К сожалению, только он был слишком слабый и мягкий человек, не умел подчинять себе людей, несмотря на весь свой ум и широкое образование. Поэтому ирландская партия под его руководством не имела ровно никакого значения в парламенте. Ирландских депутатов никто не слушал, а если даже и возникали иногда прения по ирландскому вопросу, то они не производили никакого впечатления даже в Ирландии, где большинство все же было уверено, что конституционными законными способами Ирландия ничего не добьется от Англии. Надо было, чтобы во главе этой партии встал настоящий вождь, который сумел бы заставить парламент выслушивать себя и подчинил бы своему влиянию не только небольшую группу ирландских депутатов, но распространил бы это влияние и на остальных ирландцев, вызвав в Англии интерес к ирландскому вопросу. Таким вождем сделался Чарльз Парнелль.

Фенианское движение пошло на убыль, не добившись победы, но оно все же оставило глубокий след в истории Ирландии и вызвало английское общественное мнение. Среди англичан стали раздаваться голоса, что замирение Ирландии нельзя произвести одними репрессивными мерами. Английский первый министр Гладстон заявил, что фенианство указало ему, как сильна ненависть Ирландии к Англии. На это Бьют, вождь ирландской партии в парламенте, возразил, что ему оно указало кроме того силу, глубину и искренность ирландского патриотизма, который лишь благодаря плохому управлению англичан был доведен до отчаяния и выразился в восстании.

— Я был в суде, — продолжал Бьют, — я видел людей, решившихся на отчаянную попытку освободить свою страну посредством восстания. Они были оклеветаны, как государственные изменники, и заклеймены, как враги режима и социального порядка. Я видел, как мужественно они держались, как стойко выдерживали все нападки, твердо и непоколебимо веря в справедливость и истинность

того дела, которому служили. Я видел, с каким поразительным мужеством и фанатизмом они шли на встречу своей судьбе, как настоящие мученики. Я слышал их последние слова, выражавшие горячую преданность родине, когда они твердыми шагами покинули зал суда и вступили в темный проход, который должен был привести их к тому месту, где кончались для них все земные надежды.

— И я спрашивал себя: неужели нет другого способа изменить это невыносимое положение вещей, разрешить наконец вековую распрю между Англией и Ирландией и уничтожить ту пропась, которая образовалась между ними?...

Конечно, Гладстон также понимал это, но, даже решив особенно заняться Ирландией, он все таки не хотел отменить репрессивных мер против ирландских революционеров. Он только настаивал на необходимости провести в Ирландии реформы, к которым могли бы успокоить и уморотворить сельское население и католическое духовенство. Такими реформами он считал, во первых, отмену привилегий англиканской (протестантской) церкви в Ирландии, ее судебной власти и права взимать «десятину», и, во вторых, введение земельного закона, лишающего землевладельца права выселять своих арендаторов, не уплатив им ранее за все сделанные ими затраты для улучшения земли.

Но эти реформы были только полумерами, тем более, что правительство все таки проводило в Ирландии, для борьбы с революционерами, ряд исключительных мер, создавших в ней нечто вроде осадного положения. Это было большой ошибкой Гладстона, так как, разумеется, никакие исключительные меры не устраивали ирландских революционеров, и Ирландия, где воцарился произвол английской власти, заволновалась еще сильнее. Политика полумер, то карающая, то стремящаяся к примирению, не могла иметь успеха. И когда Гладстон признал это, то со свойственной ему искренностью тотчас же перешел на сторону гомруля, как только убедился в справедливости этого требования.

Такое было положение Ирландии, когда в английском парламенте появился Парнелль. Он принадлежал к старинному, богатому, английскому дворянскому роду, дав о переселившемся в Ирландию, но не смотря на свое английское происхождение и то, что он был протестант. Парнелль как и все члены его семьи, был горячо предан Ирландии и также горячо ненавидел Англию. Это был холодный, очень сдержанный человек, с безукоризненными манерами настоящего английского джентельмена. Он резко отличался от своих пылких, увлекающихся, но быстро остывавших товарищей и никогда не терял самообладания. Никакие выходки его противников и взрывы негодования не действовали на него и не нарушали его сдержанности и хладнокровия. В этом, удивительном самообладании

крылась главная причина успеха Парнелля. Он всегда заставлял себя слушать и после первой же его речи английские депутаты поняли, что перед ними серьезный противник и настоящий вождь партии.

— Мы все только слышим о правах собственников в Ирландии, — сказал Парнелль. — Здесь постоянно говорится об этом, но никто еще не вымолвил ни слова об их обязанностях!...

Он говорил сдержанно и спокойно, но в его словах всегда чувствовалась такая сила, что вскоре все английские ораторы стали только к нему обращать свои возражения и расточать свое красноречие, оставляя в стороне всех прочих членов ирландской партии. А члены этой партии с удивлением присматривались к своему новому товарищу. В это время в ирландской партии не было никакого единения. Члены ее постоянно между собой ссорились, действовали в разброд и злые шутники уверяли даже, что они «никогда не разговаривают друг с другом и свои взаимные отношения поддерживают лишь при посредстве своих же врагов — англичан». В парламенте члены ирландской партии были посмешищем и Парнелль, увидев это, очень остро почувствовал всю унижительность такого положения. Он отлично сознавал, что при таких условиях нельзя будет ничего добиться от английского парламента. Все английские партии в Палате Общин с пренебрежением относились к ирландским депутатам. Необходимо было доказать им, что они были неправы и Парнелль твердо решил сделать это. Он сказал: «Моя политика не будет политикой примирения, а политикой возмездия!» и действительно сдержал свое слово, начав ожесточенную борьбу со всеми английскими партиями и парламентом.

Но ему пришлось сначала не мало потрудиться, чтобы сплотить около себя ирландскую партию. Члены этой партии долго не решились признать его своим вождем. Но около него всетаки образовалась группа, беззаветно преданная ему и готовая всегда следовать за ним. Это и была знаменитая «Ирландская дружина», которая впоследствии так много заставила говорить о себе.

Парнелль не скрывал своих симпатий к феианскому движению и даже смело обнаружил их в самом парламенте, когда один из министров назвал феинов убийцами. Со скамей ирландских депутатов раздалось восклицание: «Нет! Нет!...». Тогда министр выразил сожаление, что в Палате Общин нашелся член, оправдывающий убийство! Слова эти относились к Парнеллю, потому что это он издал негодующее восклицание. Но Парнелль смело возражал, что это клевета! И потом он несколько раз возвращаясь к этому вопросу и говорил: «Пусть каждый борется против Англии, как может! Все ее враги — наши союзники!».

В числе ирландских депутатов был один торговец, по имени Биггар, человек малообразованный, горбатый, обладающий пропен-

тельным голосом и грубоватыми манерами. Но его необычайная смелость и преданность делу Ирландии выдвинули его, и англичане ненавидели его, как своего заклятого врага.

— Англичане не допускают до голосования ни один из наших законопроектов, — говорил он. — И мы должны также тормозить их законодательство!

Действительно, стоило только английскому парламенту начать обсуждение какого либо законопроекта, как Биггар тотчас же просил слово и произносил бесконечную речь, говоря без перерыва целыми часами. Когда начинались прения, возобновлялась та же история, он опять просил слова, вносил поправки, требовал поименного голосования, придираясь к каждому пустяку и без конца говорил и говорил!..

При таких условиях законодательная работа английского парламента сильно тормозилась и трудно было провести даже самый пустяшный закон. А главное—на это уходило масса времени, что очень раздражало английских депутатов. Но даже многие из товарищей Биггара, ирландские депутаты, были недовольны его поведением и только один Парнелль решительно присоединился к нему.

Умышленное затягивание прений и голосования называлось «обструкцией» и, действительно, могло свести к нулю всю деятельность парламента. К такой обструкции и решил прибегнуть Парнелль, чтобы затормозить в парламенте решение самых важных государственных вопросов и заставить его, волей неволей, обратить внимание на Ирландию.

Первую пробу своей новой тактики Парнелль сделал во время обсуждения одного неважного билля (законопроекта). Английские депутаты были поражены необычайной придиричивостью Парнелля, не понимая, зачем он такими пустяками занимает палату, сбивая с толку докладчика своими непрерывными вопросами. Им не приходило в голову, что они тут имеют дело с определенным планом действий, вполне выработанным и обдуманным. Однако, скоро им пришлось в этом убедиться. Во время обсуждения другого законопроекта повторилось то же самое. Парнелль беспрестанно вмешивался и так затянул прения, что заседание продолжалось с четырех часов пополудни до следующего утра и закрылось только в четверть восьмого утра, на другой день. Но голосование так и не состоялось.

Конечно, английские депутаты были взбешены. Но Парнелль действовал так искусно, не выходя ни на шаг за пределы законности и не нарушая своей сдержанности, что придраться к нему не было никакой возможности. Он превосходно изучил все парламентские правила и обычаи, на что посвятил целый год, и мог поэтому заткнуть за пояс любого из самых опытных парламентских

деятелей. Не раз он даже конфузил их, указывая им на их промахи. А главное, он никогда не терял спокойствия, никогда не горячился и это выводило из себя его противников, которые решительно не знали, как и чем его уязвить.

Понятно, что скоро на Парнелля было обращено всеобщее внимание, о нем заговорили газеты и им заинтересовалось лондонское общество, поэтому отчеты о парламентских прениях, когда в них выступал Парнелль, читались с величайшим любопытством.

А он, доведя до истощения своих противников, стоял спокойно и неподвижно, точно скала, которую невозможно сдвинуть с места, и ясно давал понять, что не уступит и что англичанам не удастся провести в парламенте и четверти своих законопроектов!

Борьба загорелась не на шутку. С одной стороны стоял Парнелль со своей небольшой, но тесно сплоченной «дружиной», с другой—все остальные члены парламента, терпение которых он подвергал тяжкому испытанию. Однажды он сказал во время обсуждения законопроекта, касающегося английских владений в Южной Африке:

— Я пришел сюда из страны, которая сильнее всего испытала на себе всю тягость английского владычества и все последствия английского управления и жестокости. Вот почему я нахожу особенное удовлетворение, когда могу помешать английскому правительству осуществить свои намерения относительно Южной Африки!

Действительно, Парнелль своей тактикой постоянно расстраивал все планы правительства, и хотя не раз он сам и его приверженцы бывали доведены до изнеможения бесконечными ночными заседаниями, но он не сдавался, продолжая неуклонно идти по избранному пути. И число его последователей увеличивалось с каждым днем. Все, кто стремился к активной политике, тотчас же приключились к Парнеллю. За ними последовали и другие, боявшиеся сначала обострения отношений между парламентом и ирландцами. Английские депутаты негодовали, сознавая свое бессилие в борьбе с таким противником, как Парнелль.

Вся европейская печать заговорила о нем. Парламентская обструкция хотя и не была изобретением Парнелля, но все же никогда и нигде не применялась так широко и последовательно, как это делал Парнелль. Всех заинтересовала эта дуэль между ирландским депутатом и английским парламентом, и многие восхищались необычайным хладнокровием Парнелля и искусством, с которым он отражал все направленные против него удары.

Парламентское заседание, которое, наконец, завершилось голосованием злосчастного законопроекта о Южной Африке, продолжалось без перерыва 26 часов! Депутаты совсем изнемогли, и только один Парнелль был бодр попрежнему, говорил все так же логично, слу-

иша все так же внимательно и не давал покоя своими запросами. Остальные же депутаты не в состоянии были выдержать такого испытания, поэтому они разделились на группы: одна группа слушала Парнелля и отвечала ему, а другая в это время спала! Эта идея разделения труда очень понравилась Парнеллю, и он тоже воспользовался ею, предложив другому ирландскому депутату чередоваться с ним, и в то время, когда один из них говорил речь и занимал членов парламента, другой мог спать!

И вот в парламенте, во время знаменитого заседания, продолжавшегося без перерыва больше суток, образовалось таких 17 групп. Одни депутаты спали, другие разговаривали, третьи же слушали речи и возражали. Все дело сводилось лишь к тому, кто дольше выдержит?

После этого заседания имя Парнелля было у всех на устах. Особенно восхищались им в Ирландии. Ведь он действительно совершенно затормозил деятельность английского парламента, и в Ирландии торжествовали. Слава Парнелля росла, и чем больше негодовали на него англичане, тем больше он приобретал сторонников среди ирландцев, и скоро его стали называть «некоронованным королем Ирландии».

Разумеется, Парнелль не ограничился только этими парламентскими подвигами. Он решил, во что бы то ни стало, слепить, укрепить и подчинить себе все разрозненные силы как в самом парламенте, так и вне его, которые стремились к приобретению для Ирландии законодательной независимости. Парнелль хотел объединить под своим знаменем всех ирландцев, сочувствующих этой цели, независимо от того, как они хотели достигнуть ее, законными, конституционными или же революционными способами. Такая «объединенная ирландская армия» должна была, по мысли Парнелля, прежде всего унизить Англию, чтобы отомстить ей за все ирландские обиды и затем заставить ее согласиться на гомруль.

Но Парнелль прекрасно сознавал, что депутаты ничего не сделают, если за ними не будет стоять весь ирландский народ. Поэтому он не колебался вступить в союз с фениями, желая объединить всех ирландцев, рассеянных по свету, и все их организации, чтобы изправить их против общего врага.

Когда Майкель Довитт, после выхода из тюрьмы, основал в 1879 году «Земельную Лигу», то он решил обратиться за поддержкой к Парнеллю. Парнелль со вниманием выслушал его и выразил согласие вступить в лигу. Вскоре после того он был избран президентом лиги, которая с чрезвычайной быстротой распространилась по всей Ирландии. Парнелль, со свойственной ему энергией, поддерживал новую организацию. Он принял программу Довитта целиком, говоря, что столько хлопотив с земельной системой, существующей

в Ирландии, можно воссоздать страну. Надо превратить крестьян-арендаторов в мелких земельных собственников, платящих лишь строго определенный налог». Парнелл даже советовал ирландским фермерам не подчиняться лендлордам, когда они хотят их выселить, и уступать только прямой силе. Он рассчитывал, что необходимость прибегать в таких случаях к полиции удержит многих лендлордов, так как это всегда было сопряжено с большими расходами. Земельная Лига обязывалась поддерживать таких фермеров, и, кроме того, члены лиги обязывались не брать в аренду у лендлордов земли после выселенного оттуда арендатора.

Парламентская политика Парнелля не прошла совершенно бесследно. Во-первых, она действительно объединила разрозненные силы ирландцев, крестьян, депутатов и американских ирландцев, а во-вторых, сделала то, чего не могла сделать прежняя примирительная политика ирландской парламентской группы, т. е. заставила английское правительство убедиться в необходимости введения некоторых реформ в Ирландии.

Между тем в Ирландии снова начался голод, вследствие неурожая картофеля, и смертность приняла ужасающие размеры. Но вице-король Ирландии отрицал это и утверждал, что злые агитаторы нарочно возмущают страну, распространяя слухи о голоде. В своих донесениях английскому правительству он говорил только о неурожаях, а не о голоде. Ирландские лендлорды тоже не обращали внимания на бедственное положение своих фермеров и требовали от них арендную плату в срок и целиком. И вот, только в один 1877 год, было изгнано 1.323 семьи фермеров за неплатеж аренды! В следующем году это число возросло, а в 1879 году, когда голод был уже в полном разгаре, было изгнано 2.667 человек, и множество несчастных очутилось буквально на улице, без крова и куска хлеба! Между ними были и больные, и старики, и дети. Лендлорды и их управляющие безжалостно выгоняли всех...

Парнелл постарался в своих речах раскрыть глаза английскому обществу на то, что творилось в Ирландии. А так как для успеха агитации и помощи голодающему населению нужны были деньги, то он решил обратиться за поддержкой к американским ирландцам и кетати окончательно заключить союз с ирландскими партиями в Соединенных Штатах. Имя его уже пользовалось достаточно громкой известностью и в Америке его встречали восторженно.

Возвращение Парнелля чествовалось в Ирландии многочисленными митингами. На одном из них он обратился к своим слушателям и спросил:—Как надо поступить с арендатором, который соглашается платить высшую цену и берет в аренду ферму после другого выселенного арендатора?

— Застрелить его, — крикнул кто-то в толпе.

— Нет! — возразил Парнелль. — Есть другой способ, более чело- вечный, а именно: надо избегать этого человека всюду: на улице, в лавке, на рынке и даже в церкви, как будто бы он был прока- женный!..

Такой совет не раз уже слышали от Парнелля ирландцы, но он не был приведен в исполнение, потому что для этого нужны были строгая выдержка и упорство, а также дисциплина, чего еще не было у ирландцев. Но Парнелль твердо рассчитывал на силу своего влияния, в даже англичане не ожидали такого быстрого осуществле- ния его идеи.

Сначала на эти слова Парнелля в Англии не обратили особен- ного внимания, не ожидая, что они будут иметь какие либо послед- ствия. Но последствия эти не заставили себя ждать и еще раз убе- дили англичан, что они имеют дело с сильным врагом.

Как только Парнелль вновь появился в парламенте, то неме- дленно же возобновил обструкцию. Когда в парламент был внесен законопроект о деньгах на содержание полиции, то Парнелль поста- вил первому министру Гладстону следующее условие: если Глад- стон согласится на сокращение полиции и на то, чтобы она ни в каком случае не помогала лендлордам выгонять фермеров, то голо- сование законопроекта об увеличении содержания полиции будет допущено в парламенте.

Гладстон не принял этого условия, и Парнелль устроил обструк- цию. Он и его товарищи говорили без конца. Настала ночь, а они продолжали говорить и не прекращали своих речей до утра. Засе- дание продолжалось без перерыва 26 часов. Все депутаты до того были утомлены, что больше не могли оставаться, и заседание было отложено. Но Парнелль торжествовал. Он добился того, чего хотел, и не допустил голосования законопроекта!

На митинге, который был созван после того в Ирландии, он дал следующие указания своим приверженцам: ирландские фермеры должны серьезно поразмыслить о том, как отстоять себе неотем- лемое право на арендуемые ими участки. Они могут добиться этого, если поставят лендлорда, который осмелился прогнать своего фер- мера, в безвыходное положение. Пусть никто из ирландцев не берет в аренду участка, с которого был изгнан какой-нибудь фермер! Тогда лендлорд, не находя другого арендатора, поймет, что это — возмездие за его поступок. Лендлорды станут осторожнее после этого. Если вы откажетесь платить высокую арендную плату, если вы не будете занимать участков, с которых изгнаны другие фер- меры, то лендлорды станут уступчивее. Итак, все зависит от вас, от вашего единодушия. Не надейтесь ни на какие комиссии, ни на правительство и утрясайте свои дела сами! Теперь еще один вопрос: что делать вам с человеком, который все таки возьмет в

аренду ферму, откуда лендлорд только что прогнал прежнего арендатора? Помните, что вы должны избегать этого человека везде, никогда не вступать с ним ни в какие сношения, усмирить его и дать ему в полной мере почувствовать то отвращение, которое внушает вам его низкий поступок!..

Ирландцы в точности исполнили этот совет своего вождя. Случай применить его на практике скоро представился. У одного из ирландских землевладельцев, лорда Ирра, был арендатор капитан Бойкот, который в то же время был агентом этого лендлорда для сбора арендной платы с окрестных фермеров. Разумеется, фермеры относились к нему не очень дружелюбно, тем более, что он заботился только об интересах своего лендлорда. А тут еще присоединились обстоятельства, усилившие враждебное отношение фермеров к капитану Бойкоту. Дело в том, что Земельная Лига советовала фермерам самим определять размеры справедливой арендной платы и заявлять об этом агенту своего лендлорда. Так сделали и фермеры лорда Ирра. Они заявили капитану Бойкоту, что не будут ему платить больше той суммы, которую считают справедливой платой за аренду. Бойкот угрожал им, что высылит их, и когда фермеры все таки не внесли требуемой им суммы, то он призвал полицейских, чтобы выгнать их из их жилищ. Однако, на этот раз выселение не удалось. Толпа народа бросилась на полицейских с криками и гиканьем и они поспешили укрыться в доме Бойкота. На следующий день, все работники и слуги капитана Бойкота вдруг объявили ему, что уходят от него, и Бойкот очутился без единого рабочего на ферме, так что хлеб остался на полях необранным.

Это было сделано рабочими по требованию Земельной Лиги, но этим дело не ограничилось. Местным лавочникам запрещено было что бы то ни было продавать Бойкоту, даже бузнец и прачка отказались что нибудь делать для него. Ни телеграфист, ни почтальон не доставляли ему ни телеграмм, ни писем. В лавках он не мог купить ничего, так что он и его семья очутились в очень трудном положении. Взякое общение с ними было прекращено и английские власти вынуждены были даже отрядить полицейских для охраны его дома. В конце концов борьба оказалась ему не по силам и он уехал в Англию. Но с той поры этот способ борьбы, впервые примененный в Ирландии, стал известен во всей Европе под именем «бойкота» и имя этого английского капитана было таким образом увековечено.

В Ирландии бойкот получил широкое распространение и сделался могущественным орудием борьбы. В одном только 1887 году подверглись бойкоту 836 человек.

Само собою разумеется, что все это сильнейшим образом раздражало англичан, негодование которых еще усилилось после убийства

лорда Моунтмора. У этого лорда были очень дурные отношения с фермерами, которые жаловались на его несправедливость и жестокость. Он был убит неизвестными лицами на расстоянии миль от своего дома. Преступление это вызвало в Англии сильнейшее возмущение, а особенно же когда стало известно, что хозяин фермы, находившейся неподалеку от того места, где был найден убитый, не позволил даже внести его тело в дом, к себе. Мало этого: никто не хотел оказать никакой помощи и хоронить Моунтмора должны были полицейские, так как ни один ирландец не согласился помочь снять гроб с погребальной колесницы. Семья убитого не могла ни от кого добиться ни малейшей услуги и должна была в конце концов переселиться в Англию.

Озлобление росло с той и с другой стороны. Англичане ни за что не хотели уступать ирландцам и требовали от них покорности, а ирландцы продолжали также упорно требовать учреждения ирландского парламента и полной самостоятельности управления и слышать ничего не хотели о примирении, пока ни добьются желаемого! Они вели эту упорную борьбу на жизнь и смерть, твердо решившись отвоевывать шаг за шагом свои права и также твердо веря в успех, пока во главе их находился тот, кого они называли своим «некоронованным королем».

Убийцы лорда Моунтмора не были открыты, несмотря на крупную награду, назначенную за их поимку. Ослепленные ненавистью, англичане настойчиво требовали от правительства побольше строгости по отношению к ирландцам для окончательного их усмирения. Сто пять ирландских лэндлоуов обратились к министру по делам Ирландии с просьбой о защите и покровительстве. Но в то же время они просили сохранить их имена в тайне, так как опасались мщения Земельной Лиги. Английская печать, в один голос, также требовала усмирения Ирландии. «Где же у нас правительство?—восклицали газеты.—Какие меры думают предпринять наши министры, чтобы положить конец таким беспримерным беспорядкам и открытому нарушению законов империи?»... Англичане в особенности сильно негодовали из Париза, считая его главным виновником всех бед и подстрекателем ирландцев.

Между тем, не успело сгладиться впечатление, произведенное убийством лорда Моунтмора, как уже начали распространяться в Англии рассказы о новых актах насилия. Судебные приставы и полицейские подвергались в Ирландии нападениям на каждом шагу. В их дома стреляли или же к ним врывались какие то люди в масках и избивали их. Выгнанные фермеры снова восстанавливались на прежних местах, а те арендаторы, которые решились брать ферму после выселенного фермера, обыкновенно подвергались всевозможным неприятностям и какими то неизвестными людьми производились на

них нападения и калечился их скот. Агенты землаторгов забрызгивались угрожающими письмами и не раз случалось, что они находили у дверей своего дома вырытую за ночь могилу. Все это, конечно, служило лишь доказательством возрастающей смуты в Ирландии.

Гладстон, стоявший тогда во главе английского министерства, уступил требованию решительных мер. Одновременно с отправкой добавочных войск в Ирландию было объявлено правительством о преследовании 14 вождей Земельной Лиги, и в том числе, конечно, Парнелля, обвиняемых в том, что они «организовали заговоры и старались посеять вражду между различными классами подданных Ее Величества королевы».

В Ирландии, как и следовало ожидать, известие об этих мерах вызвало сильнейшее возмущение. Во всех английских городах, где было много ирландцев, устраивались митинги протеста. Судебное же преследование несколько не испугало ни Парнелля, ни его товарищей и ничего не изменило в Ирландии. Ирландская партия продолжала борьбу. На созванном Земельной Лигой съезде 1200 народных представителей была принята резолюция, заявляющая, что «причиной всех политических и социальных бедствий в Ирландии является система чужеземного господства в стране и что единственным выходом из создавшегося положения может быть только самоуправление Ирландии».

Однако, суд не нашел ничего противозаконного в действиях Парнелля и его товарищей и присяжные оправдали всех. Парнелль был освобожден и явился в парламент как раз в тот момент, когда там обсуждался новый законопроект, касающийся Ирландии. Это был «билль об усмирении Ирландии», который должен был расширить право ирландского наместника так, чтобы он мог, по своему усмотрению, арестовывать всех, кто внушает ему подозрение, и выселять их из Ирландии.

Разумеется, если бы парламент принял этот билль, то произвол английских властей в Ирландии еще бы усилился. Поэтому Парнелль и решил не допустить голосования. Ему удалось это путем обструкции и после заседания, продолжавшегося без перерыва 22 часа, обсуждение злополучного билля было отложено до следующей недели.

Неустоимый Парнелль не сдавался и тотчас же организовал обструкцию для следующего заседания. Это заседание было беспрецедентным в летописях парламентской истории, так как оно продолжалось без перерыва 41½ часов! Оно закончилось тем, что спикер (председатель Палаты Общин) встал и заявил, что Парнелль и его приверженцы намеренно затягивают прения, чем наносят оскорбление парламенту, поэтому он предлагает прямо приступить к голосованию.

Английские депутаты встретили взрывом рукоплесканий предложение спикера и оно было тотчас же принято единогласно почти всеми депутатами, за исключением ирландцев, которые с негодованием повскакивали со своих мест. Дело могло бы дойти до резкого столкновения, если бы не Парнелль, который никогда не терял хладнокровия. Обратившись к своим приверженцам, он просил их успокоиться и уйти из парламента, чтобы не принимать участия в голосовании. Ирландская дружина была так хорошо дисциплинирована, что все, как один человек, беспрекословно повиновались своему вождю и вышли за ним из залы заседаний.

Желание министров исполнилось: билль об усмирении Ирландии был принят парламентом. Но Ирландия не усмирилась. Фермеры отказывались платить ренту и в Англии опасались нового восстания в Ирландии, вследствие чего туда были отправлены летучие отряды и у берегов Ирландии постоянно крейсеровали суда. Однако все оставалось попрежнему. Ирландские женщины тоже образовали союз, под председательством сестры Парнелли, Анны, оказывавшей поддержку Земельной Лиге. Архиепископ в Дублине громил эту женскую лигу в своем воззвании и в своих проповедях, называя ее «нескромной», но большинство ирландских священников было все-таки не на стороне английского правительства, поступки которого они открыто осуждали в своих проповедях. В одной из церквей даже произошел по этому случаю скандал, так как один офицер, находившийся в церкви, вдруг вскочил во время проповеди священника и, выразив самыми резкими словами свое негодование, демонстративно вышел из церкви, потребовав, чтобы ушли и все находившиеся в церкви солдаты.

Произошло смятение. Прихожане были возмущены выходкой офицера, но начальство оправдало его поведение, заявив, что «он не должен был допускать, чтобы солдаты слышали подобные проповеди, осуждающие действия английского правительства».

Второе чтение билля об усмирении Ирландии, принятого в первом чтении парламентом, несмотря на обструкцию, вызвало крайне бурные столкновения с ирландскими депутатами. Прения начались при сильном возбуждении депутатов. Прежде чем было приступлено к обсуждению билля, Парнелль потребовал у первого министра объяснений по поводу ареста Майкеля Дэвита, но министр отказался дать объяснения и только сказал, что Дэвитт, как бывший баторжник, должен был согласовать свое поведение с поставленными ему условиями при его освобождении и так как он их нарушил, то и отныне был приговорен к аресту.

Полагая, что Парнелль удовлетворится таким ответом, Гладстон встал, чтобы говорить, но одновременно с ним встал ирландский депутат Диллон и тоже стал говорить. Поднялся шум. Депутаты тре-

бовали исключения Диллона, и когда был поставлен на голосование вопрос о его удалении, то он объявил, что «почтительнейше отказывается удалиться». Призван был пристав. Он подошел к Диллону и прикоснулся к его плечу, но Диллон не двинулся с места. Тогда позвали пять сторожей. Когда же они подошли к нему, то он повернулся и вышел из залы при громких криках ирландцев по адресу англичан: «Стыд!.. Позор!..».

Как только Диллон вышел, вновь повторилась та же сцена с другим ирландским депутатом. Когда же наконец Гладстон получил возможность говорить, то поднялся Парнелль и спокойно проговорил: «Предлагаю не слушать больше Гладстона». В первый момент все были ошеломлены такой дерзостью, но затем раздались яростные крики, требовавшие удаления Парнелля. Но Парнелль оставался невозмутимым попрежнему, как будто дело его не касалось. Когда волнение несколько улеглось, то спикер заметил Парнеллю, что он вынужден будет его удалить, если он будет мешать говорить речи. Однако, как только Гладстон раскрыл рот, Парнелль снова поднялся и спокойно повторил свою фразу. Гладстон замолчал и спикер поставил на баллотировку вопрос об удалении Парнелля. Парнелль, как и Диллон, отказался уйти добровольно и повторилась прежняя сцена. Парнелль объявил, что уступает только силе, и вышел, сопровождаемый громкими криками ирландцев, которые неистово махали шляпами и приветствовали его.

Когда спокойствие несколько восстановилось, Гладстон в третий раз попытался говорить, но тотчас же поднялся другой ирландский депутат и повторил фразу Парнелля. Пришлось обычным порядком удалить и этого депутата. Таким образом были удалены поочередно несколько членов, неизменно повторявших ту же самую фразу, как только Гладстон пробовал что-нибудь сказать. Выведенный из терпения Гладстон предложил удалить всех приверженцев Парнелля сразу. Произошла любопытная сцена. Спикер произносил поочередно имена 28 ирландских депутатов и предлагал каждому из них удалиться. Но каждый из них отказывался и тогда призывался пристав. Депутат уходил, объявляя, что уступает силе, и произносил при этом небольшую речь. Такая церемония повторялась до тех пор, пока все члены ирландской партии не были удалены из залы.

Злополучный билль наконец прошел чрез парламент и в Ирландии был введен исключительный режим, но правительству скоро пришлось убедиться, что оно имеет дело с таким противником, сопротивляться которому нельзя силой и добными средствами. Парнелль стоял попрежнему твердо и гордо бросал вызов за вызовом английскому правительству. На всякую меру правительства он отвечал усилением сопротивления. Несмотря на постоянные аресты, возмущения все учащались и пристава с опасностью для жизни выполняли

свою обязанность выселения фермеров, причем не раз случались даже кровопролитные стычки.

— Пусть кровь падет на ваши головы!—говорили ирландские депутаты министрам.

Но правительство не обращало на это внимания и продолжало свои преследования. Ежедневно в тюрьму приводились арестованные по подозрению, имена которых были совершенно неизвестны за пределами их родного округа, где их считали героями и мучениками. Но каждый такой арестованный мог быть твердо уверен, что его ферма не будет брошена на произвол судьбы, пока он сидит под арестом, и что товарищи будут за него работать все то время, которое он проведет в тюрьме.

Ирландский народ продолжал верить и надеяться на Парнелля, хотя и должен был убедиться, что обструкция не принудила английское правительство к уступкам и к отмене исключительного режима в Ирландии.

Но Парнелль не отчаивался, твердо веря, что настойчивость и единодушные ирландской партии в конце концов должны восторжествовать. Он действовал на колеблющихся и слабых своим невозмутимым спокойствием, своей силой убеждения и воли, так что все ирландцы, как один человек, повиновались своему «некоронованному королю».

Необычная демонстрация, устроенная в Дублине в честь Парнелля, которого пронесли на руках по всем улицам города, в сопровождении процессии с факелами и громадной толпы народа, указала правительству, как велика популярность «некоронованного короля», и Гладстон, хотевший сначала усмирить Ирландию, а потом уже приступить к реформам, убедился, что надо сделать какую нибудь уступку. Такой уступкой был новый земельный билль, более благоприятный для арендаторов. Прежде ирландская партия в парламенте приветствовала бы этот билль с восторгом, но Парнелль объявил, что такая уступка слишком ничтожна и что ирландцы будут продолжать борьбу!

— Такое половинное средство и такая жалкая милость не могут удовлетворить нацию!—сказал он.

Гладстон решил арестовать Парнелля, рассчитывая, что его арест нанесет чувствительный удар организованному им движению. Парнелль был посажен в Кильзизгемскую тюрьму, но в Ирландии ничего не изменилось. Как ни старалось правительство наполнить тюрьмы «подозрительными лицами», возмнение в стране не утихло.

Гладстон, наконец, понял, что так продолжаться не может, что нельзя держать столько людей под замком только потому, что они находятся под подозрением, и, со свойственной ему честностью, признал ошибочность своей политики и круто повернул в другую сто-

рону. Он решил вступить в переговоры с Парнеллем, которые велись через посредство его приятеля О'Ши. Парнелль поставил свои условия, на которые Гладстон согласился, и назначил в Ирландию министром своего близкого друга, лорда Кэвендиша, дружески расположенного к Ирландии.

Казалось, наступило согласие между противниками, и это было первым результатом «Кильмангэмского договора» между Парнеллем и Гладстоном. Но тут произошло непредвиденное событие, изменившее положение и уничтожившее надежды на примирение враждующих сторон.

Таким событием было новое преступление—убийство лорда Кэвендиша и его секретаря, Бёрка, который был известен ирландцам как огненный враг тайных обществ.

Это было уже не аграрное преступление, а настоящее политическое убийство, организованное кружком ирландских террористов, известных под именем «непобедимых».

Дальнейшее негодование опять вспыхнуло в Англии и на Гладстона посыпались упреки за то, что он вступил в переговоры с Парнеллем. Друзья Парнелля совершенно растерялись и хотя он тоже был поражен, как громом, этим убийством, но все таки не потерял своего обычного хладнокровия. Целых два месяца, он с мужеством отчаяния боролся в парламенте против правительства, чтобы помешать голосованию нового билля «о предупреждении преступлений в Ирландии». Этот билль прошел в парламенте и снова в Ирландии воцарился полицейский произвол, длившийся целых три года, вместе с этим возобновились и аграрные преступления.

ГЛАВА VI.

Год наказаний.—Национальная Лига.—Триумфы Парнелля.—Значение ирландской партии.—Гомруль.—Интриги против Парнелля.—Грандиозный судебный процесс.—Торжество Парнелля.—Бракоразводный процесс.—Конец политической карьеры Парнелля и его смерть.

Убийства и казни сменяли друг друга в Ирландии. Особо много изобиловал всякого рода карами 1883-й год, так что его даже называли «годом наказаний». Но положение не улучшалось.

Английской полицией удалось арестовать убийцу Кэвендиша—Карра, который, чтобы спасти себя, выдал своих товарищей. Все оговоренные им лица были арестованы и преданы суду, быстро покончившему с этим делом, и пятеро из обвиняемых были приговорены к смертной казни, а Карра помилован в награду за свои данные. Однако суду все же удалось выяснить, что убийцы не знали, что

хорда Ковендиша и к нему не питали никакой злобы. Убить хотели только Берка, которого все знали и ненавидели в Ирландии.

Предатель Карэй все таки не избежал своей участи. Он был отправлен в ссылку и на одном корабле с ним выехал один ирландец, со специальной целью убить «гнусного доносчика». Это намерение он привел в исполнение, как только Карэй с'ехал на берег. Конечно, убийца Карэя был тотчас же схвачен, отвезен в Англию и там казнен.

1883-й год—год самой ожесточенной борьбы, — всевозможных репрессий и казней, был в то же время годом непрерывных триумфов Парнелля. Английские газеты завлали, что Парнелль всемогущ в Ирландии и что ирландский народ повинуется одному мановению его руки. Действительно, его популярность была очень велика и это уважала национальная подписка, организованная в его пользу, когда стало известно, что он почти совершенно разорен. Подписка имела блестящие результаты, дала больше, чем ожидали, в 38.000 фунтов стерлингов были торжественно вручены Парнеллю, как подарок ирландской нации, на созванном для этой цели грандиозном митинге в Дублине. Там же была принята резолюция заменить тост в честь английской королевы тостом в честь Ирландии, как нации.

Однако, Парнелль все больше и больше отходил от земельной программы и выдвигал на первый план политические лозунги. Он основал Национальную Лигу, которая должна была проводить его программу и борьбу за землю. Таким образом, программа земельной лиги и борьба за землю отодвигалась на второй план и Парнелль, весь ушедший в политическую агитацию, разошелся во взглядах с Дэвидом, который хотел объединиться с английскими рабочими.

В середине восьмидесятых годов ирландская партия в парламенте представляла довольно значительную силу и обе английские партии, консерваторы и либералы, стали волею-неволею считаться с ирландскими депутатами, которые свергли однажды консервативное министерство, оказав поддержку либеральной партии. Когда же у власти очутилось либеральное министерство, то оказалось, что оно не может удержаться лишь в том случае, если ирландская партия и на моменте будет поддерживать его. Без поддержки ирландцев нельзя было собрать достаточного числа голосов, чтобы провести в парламенте какой-нибудь законопроект.

И вот, чтобы заручиться и поддержкой ирландцев, консервативное министерство, сменившее либеральное министерство Гладстона, которое Парнелль проводил на выборах, стало заискивать в Парнелле, называя, на болко важно иметь его своим союзником. Первый министр Сальсбери, сменивший Гладстона, даже прямо заявил, что исключительные законы против Ирландии не будут возобновлены.

Всем было ясно, что консервативное министерство сделало это заявление лишь для того, чтобы задобрить ирландца. Кроме того парламентом был принят bill, облегчающий фермерам приобретение земли.

Однако враги Парнелля все таки не могли успокоиться и не пренебрегали никакими средствами, чтобы погубить его репутацию, ослабить его влияние в Ирландии. Консерваторы готовы были идти на бо льшие уступки, лишь бы сам Парнелль смягчил свои требования. Но Парнелль к не подумал сделать это. Он хотел заставить смириться и покориться себе об а глийские парламентские партии, запекавшиеся в нем, консерваторов и либералов. С тех пор, как он стал вожде ирландского народа, ирландский вопрос был выдвинут на первое место в парламенте в ряду все других вопросов английской политической и общественной жизни. Естественно, что на выборах в парламент он тоже сыграл важную роль. Либеральная партия выступила перед народными изб рателями с широкой программой демократических реформ, в чис о которых была включена и ирландская реформа. Вождь либеральной партии Гладстон окончательно стал на сторону Ирландии и заявил, что готов дать ей самую широкую независимость, лишь бы при этом не нарушалось единство Империи. Упорная борьба ирландцев в конце концов убедила Гладстона, что не только бесполезно, но и вредно для самой Англии отказывать ирландскому народу в его справедливых требованиях, и он, как всегда, смело отсекся от своей прежней программы действий и объявил, что «только г-мруль отвечает требованиям справедливости и является лучшей мерой для восстановления спокойствия в Ирландии». Но сколько страданий пришлось вынести несчастному ирландскому народу, прежде чем вождь английской либеральной партии пришел наконец к такому убеждению!

Парнелль решил после этого оказать поддержку либералам на парламентских выборах. Консерваторы были страшно возмущены этим сближением либеральной партии с Парнеллем и в газетах начались нападки на Гладстона за его дружбу с покровителями убийц, и т. д. и т. д. и на самого Парнелля, которого, вместе со многими его парламентскими приверженцами, обвиняли в по встве и чуть ли не в соучастии в тех преступлениях, которые были совершены в Ирландии членами Земельной Лиги и террористической гр. пией «непобедимых».

Задумав окончательно погубить Парнелля, консерваторы прибегли к подкупу. Конечно, им не трудно было найти среди журналистов таких продажных людей, которые о ожно пришли к ним на помощь. И вот, в одной из крупнейших консервативных газет, называемой «Таймс», организован был целый п-ход против Парнелля и ирландской партии. В газете появилось факсимиле (фотографичес-

ский снимок) письма, будто бы написанного Парнеллем, в котором он оправдывался в том, что должен был публично порицать убийство, которое в сущности оправдывал.

Появление этого письма в такой влиятельной и распространенной газете, как «Таймс», произвело громадное впечатление в Англии. Все были убеждены, что Гладстон, человек очень строгий в нравственных вопросах, порвет после этого с Парнеллем, уличенным в двойственности и лжи. Но Парнелль был не таков. Он энергично протестовал против подобного обвинения и, объявив, что письмо подложное, потребовал суда.

Возникший после этого судебный процесс привлек внимание всего европейского мира. Суд продолжался целый год. Состоялось 128 судебных заседаний, было запрошено 450 свидетелей и речь обвинителя продолжалась 12 дней. В качестве обвиняемых были привлечены, вместе с Парнеллем, и 64 виднейших ирландских деятелей, главным образом депутатов парламента, которым ставилось в вину организации «преступного сообщества», имевшего целью образование независимой Ирландии, оказание помощи политическим преступникам, призыв к борьбе с лендлордами, к неплатежу аренды, и т. д. и т. д.!

Свидетелями обвинения были преимущественно сыщики, полицейские и провокаторы. Ирландцы же стойко выдерживали этот натиск. Речи, произнесенные ими на суде, часто производили огромное впечатление на слушателей. Особенно хороша была речь Дэвитта, сказанная им в защиту Земель и Лиги.

Несмотря на массу свидетелей, вызванных в суд для поддержания обвинения против Парнелля, никому не удалось неопровержимо доказать его виновность. Парнелль был слишком осторожным политиком и его врагам не удалось представить никаких улик против него, хотя правительство и обещало многим из сидевших в тюрьме ирландцев свободу и денежную награду, если они дадут показания против Парнелля. Но предателей среди них не нашлось. И вот произошел драматический эпизод. Маленький репортер дублинских газет, по имени Пиготт, созвонился вдруг в подлоге после того, как защитник Парнелля спросил его на допросе и доказал подделку писем. Пиготт явился на другой же день утром к редактору газеты «Правда» Лабушеру и в сильном волнении объявил ему, что действительно подделал письма, соблазненный обещаниями корреспондента крупной английской газеты, предложившего ему огромное вознаграждение, если только он доставит письма, доказывающие сношения Парнелля с убийцами Кавендиша: Пиготт имел четырех детей, которых нежно любил, и страдал от того, что они должны были терпеть страшную нужду. Предложенная ему денежная награда вполне обеспечивала

их существование и вот он «достал» письма, которые так нужны были газете «Таймс»!..

После этого признания Пиггот бежал в Мадрид и оттуда отправил в редакцию газеты телеграмму, с просьбою о присылке денег, которых редакция ему не доплатила. Но вместо того, чтобы исполнить его просьбу, редакция сочла за лучшее уведомить полицию, где он скрывается.

Когда полиция явилась арестовать его, — Пиггот застрелился.

Судебный процесс закончился блестящим торжеством для Парнелли. Газета была присуждена к огромному штрафу, а главное — ее влияние было подорвано. От полученного ею нравственного удара она долго не могла оправиться.

Разумеется, враги Парнелли страшно негодовали, что он вышел сух из воды и что не было никакой возможности доказать его сношения с фениями. Парнелль, как всегда, так искусно держал себя, что судьям решительно ничего не удалось выяснить; он не делал никаких признаний, не старался никого и ни в чем разуверить, так что фении не могли упрекнуть его за то, что он отрекается от них, но зато и суд и все остальные должны были пребывать в полном недоумении относительно того, в каких отношениях Парнелль находился и находится к различным фенианским ассоциациям?

Но если таким путем врагам Парнелли не удалось погубить его, то нашлось для этого другое средство, действительно погубившее его, а вместе и все дело Ирландии, для успеха которого было пролито столько крови, потрачено столько энергии и вынесено столько страданий! Этим средством был бракоразводный процесс.

В Англии еще очень сильны многочисленные общественные предрассудки и английское буржуазное общество отличается в этом отношении большим лицемерием. Не раз случалось, что вся карьера какого нибудь очень видного и влиятельного политического деятеля бывала окончательно погублена, если только он оказывался замешанным в бракоразводном процессе. Такое средство было пущено и против Парнелли.

Всем была известна любовь Парнелли и Кэтрин О'Ши, жены одного ирландского депутата. Парнелль постоянно бывал у него в доме и Гладстон через этого депутата вел переговоры с Парнеллем, когда тот сидел в Бильдингемской тюрьме. Очень часто Гладстон и другие члены его партии передавали через жену О'Ши Парнеллю все, что было нужно, если Парнелли не было в Лондоне; потому что Кэтрин О'Ши всегда знала, где он находится, и была с ним в переписке. Повидимому, и тогда уже никто не сомневался, что Парнелль влюблен в нее и что она отвечает ему взаимностью. Да она и не скрывала своего восторженного преклонения перед ним, как

перед героем и вождем ирландского народа. В последние годы, однако, между ее мужем и Парнеллем произошло охлаждение и Парнелль даже перестал бывать у них в доме. И вот этим то обстоятельством и воспользовались враги Парнелля—консерваторы. О'Ши, ревновавший свою жену, поддался влиянию консерваторов и возбудил процесс о разводе.

Поступок О'Ши был неожиданностью для всех, потому что все были убеждены, что отношения между его женой и Парнеллем давно уже не были для него тайной. Приверженцы и друзья Парнелля однако думали, что он и тут отделается так же благополучно, как всегда, и разрушит козни врагов, но все эти радужные надежды и ожидания были обмануты. Ни Парнелль, ни Кэтрин О'Ши, не стали даже защищаться на суде, не представили никаких доказательств, опровергающих обвинение, а просто отрицали самый факт супружеской измены. Парнелль только гордо огмалчивался, считая ниже своего достоинства приходить какие либо доказательства, опровергающие показания и разные грязные намеки подкупленных слуг, свидетелемствовавших против него.

Суд признал доказанной супружескую измену Кэтрин О'Ши, и проща ее мужа о разводе была удовлетворена, причем председатель суда, в своем заключительном слове, заявил, что Парнелль пользовался гостеприимством О'Ши для разврата!

Решение суда поразило как удар грома всю ирландскую партию. Сторонники его были твердо убеждены, что Парнелль восторжествует над врагами, устроившими низкий заговор, чтобы сгубить его, а вместе с ним и все дело Ирландии, но торжествовали его враги, и английские консервативные газеты обрадовались возможности отплатить Парнеллю своего недавнего поражения, важно заявив, что «ни один государственный деятель, желающий управлять могущественной партией и нести на себе ответственность, связанную с подобным положением, конечно, не может устоять после такого удара, который был нанесен Парнеллю приговором суда. Конечно, приверженцы его могут пренебрегать этим приговором, но они не могут помешать английскому общественному мнению выказаться по этому поводу и вывести свои заключения». И все в один голос утверждали, что политическая карьера Парнелля пришла к концу, потому что на нем лежит «неизгладимое пятно!».

Сначала ирландцы, все без исключения, были на стороне своего вождя и ирландские газеты даже отказывались входить в обсуждение вопроса о том, должен ли он покинуть свой пост? В парламенте Гладстон и Морлей первые признали прав ирландцев выбирать своих вождей, а в газете «Правда», выражавшей взгляды радикальной партии, Лабушер заявил, что «не англичанам решать, кто

должен быть вождем ирландцев! Парнелль — самый способный из всех современных парламентских деятелей и было бы странно и глупо лишаться такого искусного вождя, когда битва еще не выиграна».

Ирландские депутаты тоже оставались верны Парнеллю и выразили это в резолюции на митинге в Дублине. Однако буря разгоралась. Религиозные и общественные предрассудки делали свое пагубное дело и вожди английской либеральной партии, с Гладстоном во главе, не решались пренебречь ими, тем более, что и сам Гладстон в значительной мере был заражен ими и в его глазах поступок Парнелля был величайшим грехом. Парнелль был заклейменный человек, с которым Гладстон не мог идти рука об руку. Когда Гладстон объявил об этом, прибавив, что он согласен поддерживать ирландскую партию, но с тем, чтобы Парнелль перестал быть ее вождем, то это было страшным ударом для него и для всех ирландцев, которые совершенно растерялись.

Дэвид в своей газете «Лига Труда» указывал Парнеллю, как он должен поступить. «Высшие политические соображения, — сказал он, — требуют, чтобы вождь покинул политическую сцену на некоторое время для того, чтобы прошел установленный законом срок и разведенная жена могла бы выйти за него замуж, что сделало бы для него возможным возвращение к политической деятельности».

Гордый, непреклонный характер Парнелля не допускал, однако, никаких уступок. Он должен был бороться до конца и, действительно, повел отчаянную борьбу, которая кончилась только с его смертью.

В ирландской партии произошел раскол. Часть ее членов, найдя, что разрыв с Гладстоном губит дело гомруля, отошла от Парнелля и пошла за Гладстоном, избрав вместо Парнелля другого вождя. Раскол этот, разумеется, очень ослабил партию и сильно повредил делу. Но Парнелль долго не уступал. Последним ударом было для него отречение ирландского духовенства, которое раньше было всегда на его стороне. Ирландское духовенство (католическое) всегда занимало первенствующее место во всех политических движениях в Ирландии. Немало священников погибало на виселицах и в тюрьмах, и Парнелль знал, каким влиянием пользуются священники в народе, который доверяет им и всюду пойдет за ними.

Эта последняя капля переполнила чашу испытаний. Хладнокровие покинуло Парнелля. Истинные его друзья с огорчением замечали в нем эту перемену. Он постоянно находился в волнении, разъезжал с места на место и речи его изменили свой характер, отличаясь большой запальчивостью. Он несколько успокаивался лишь тогда, когда слушатели оказывали ему прежний горячий прием. Но он видел, что его популярность тает с каждым днем, и страдал от этого, но не хотел прекращать борьбу, отрицая право общества

вмешиваться в его частную жизнь. Однако, песенка его была сета и он сам повивал это.

Врага его не унимались, и кто только мог наносил удары «раненому льву». Он был повержен и добить его было нетрудно. Долго скрываемая и подавляемая ненависть и зависть—все это выплыло теперь наружу, и глава консерваторов, Сольсбери, раньше замкнувавший в нем, публично заявил, что «падение Парнелли является торжеством британской нравственности», прямо указывая этим, что нападки на павшего ирландского вождя предписываются даже правилами этой нравственности!

Парнелль, физические силы которого были подорваны, не щадил однако своего здоровья. На одном митинге, где он произносил речь, он сильно простудился, слег в постель и больше не вставал. Его последние слова были: «Передайте моим товарищам и всему ирландскому народу мою любовь!..».

Смерть его произвела в Ирландии сшеломляющее впечатление, и только тут все поняли, какого крупного борца лишилась Ирландия в лице Парнелли. «Такого не было и уже не будет у нас!»—говорили ирландцы.

В английской и ирландской истории XIX века Парнелль занимает выдающееся место. Он поднял ирландскую партию на должную высоту и своим бесстрашием и смелостью вынудил английский парламент выслушать требования ирландского народа и приступить к реформам.

Злополучный бракоразводный процесс, стувивший Парнелля, нанес непоправимое зло и ирландской партии, единство которой так и не восстанавливалось. Это еще раз указывает, как иногда в истории самые ничтожные и второстепенные причины губят великое дело!

ГЛАВА VII.

Реформа землевладения. — Гомруль. — Историческое заседание. — Два враждебных лагеря. — Подготовка к восстанию. — Рабочее движение. — Джим Ларкин. — Стачка по сочувствию. — Суд над Ларкином. — Образованное гражданское Англия. — Син-Фейам. — Дублинское восстание. — Капитан О'Коннолли. — Длинный счет. —

Одной из самых крупных реформ в Ирландии, принятых английским парламентом уже после смерти Парнелля, была реформа землевладения. В основу нового ирландского земельного закона, вотированного парламентом, был положен выкуп земли, превративший в собственников 400,000 ирландских арендаторов. Таким образом осуществлялся план, выработанный Земельной Лигой, и, разумеется,

только упорство ирландского революционного движения, с которым английское правительство никак не могло сладить, заставило его пойти на эту уступку.

Но этот закон был тоже полумерой. Все громче, даже в самой Англии, раздавались голоса в пользу гомруля для Ирландии. Либеральная партия, чтобы иметь достаточное большинство в парламенте и желая привлечь ирландских депутатов на свою сторону, обещала ирландцам сделать все от нее зависящее, чтобы провести в парламенте закон о гомруле.

Этот закон был, наконец, принят парламентом в мае 1914 г., завершив борьбу за гомруль, длившуюся уже несколько десятилетий.

Впервые билль о гомруле был внесен в парламент Гладстоном в 1886 г. Парламент отклонил его. Вторым раз тот билль был внесен в 1892 г. и принят незначительным большинством голосов. Но палата лордов отвергла его. В третий и последний раз, в 1914 г., он был принят большинством 351 голоса против 274.

Это было историческое заседание. Давно сошел с жизненной сцены Парнелл, умерший в 1891 г., умер и Гладстон, умер Майкель Дэвитт, старый фений и основатель Земельной Лиги, и остались в живых лишь немногие из членов парламента, которые участвовали в первом обсуждении билля о гомруле в 1886 г. Огромная толпа народа, собравшаяся у здания парламента, с напряжением ждала исхода голосования. Результаты его вызвали проявление бурного восторга у сторонников ирландской реформы. Депутаты повскакивали со своих мест и бросали на воздух свои шляпы, платки и бумаги.

— Кончился 114-ти-летний период бесславной истории англо-ирландских отношений! — объявил глава парламентской ирландской партии Джон Редмонд. — Этот период повлек за собой разорение народа, голод, мятежи и кровопролития. Но теперь между Англией и Ирландией должен возникнуть союз, основанный уже на взаимном уважении обоих народов, и этот союз должен совершенно изменить положение вещей в Ирландии...

Однако, последствия вековой несправедливости не так то легко исправить! Население Ирландии и теперь представляет два враждебных лагеря, которых разделяет не только вера (один — протестанты, другие — католики), но и то обстоятельство, что одни — потомки побежденных, — католики, другие же протестанты — потомки победителей, принадлежащие к господствующей национальности, т. е. английской, и поэтому занимающие в Ирландии привилегированное положение.

Потомки завоевателей Ирландии, англичане и шотландцы, населяют, как мы уже говорили, северо-западную часть Ирландии, про-

винию Ульстер или Ольстер. Ольстерские фермеры — протестанты и называют себя оранжистами в честь Вильгельма Оранского, разбившего ирландцев в 1690 году.

Всегда, когда в парламенте поднимался вопрос о расширении прав католического населения в Ирландии, ольстерцы грозили восстанием. «Ольстер не позволит!... Ольстер будет сражаться!...» Такие возгласы раздавались постоянно.

Разумеется, враги гомруля, консерваторы, не замедлили воспользоваться этой непримиримостью ольстерцев и организовали в Ольстере восстание.

— Ольстерцы будут бороться с оружием в руках против гомруля! — было заявлено громогласно, и, действительно, Ольстер стал вооружаться, как только состоялось в парламенте голосование ирландского билля. Организацией восстания занялся известный английский реакционер Карсон, поддерживаемый английскими консерваторами. В Ольстере уже находились отряды добровольцев, численность которых перед войной достигала 60.000. Начался усиленный ввоз оружия, которое доставлялось не только из Англии, но даже из Германии. Замечательно, что английское правительство, принимавшее всегда самые крутые меры, если узнавало о подготовке в Ирландии вооруженного восстания, на этот раз обнаруживало большое попустительство. Все делалось на виду у всех. Ольстерские добровольцы открыто производили разведки и маневры, продолжавшиеся иногда по несколько дней, и даже парады, но английское правительство на все смотрело сквозь пальцы. Английские же офицеры и генералы даже прямо заявили, что не пойдут против ольстерских дружин. Таким образом, парламентская борьба снова превратилась в революционную, и ирландцы тоже стали вооружаться, чтобы защитить свои права.

А лицемерное либеральное правительство, смотревшее сквозь пальцы на вооружение ольстерцев, продолжавшееся больше года, тотчас же вступилось и издало строгий приказ, воспреещающий ввоз оружия в Ирландию, как только начали вооружаться ирландские патриоты!

Конечно, это не остановило роста революционного движения, которое захватило различные круги ирландского населения, интеллигенцию, фермеров и рабочих.

Рабочее движение, сильное и организованное в Англии, почти совсем не замечалось в Ирландии до самых последних лет, хотя положение ирландских рабочих всегда было несравненно хуже положения английских рабочих. По всей вероятности, это происходило от того, что борьба за гомруль отвлекала все силы и поглощала всеобщее внимание. Но уже за год до великой мировой войны рабочее движение в Ирландии заметно усилилось, с тех пор, как

во главе его стал Джим Ларкин, прозванный «некоронованным королем ирландских рабочих».

Ларкин организовал Дублинских рабочих, объединил их в союз и внушил им убеждение, что они должны поддерживать взаимные требования посредством «стачек по сочувствию».

— Если бастуют рабочие в одном каком-нибудь производстве, — говорил он, — то к ним должны примыкать и рабочие в других производствах. Таким образом стачка разрастется и вынудит предпринимателей к уступкам.

— Мы ведем великую борьбу за свободу жить, за свободу действовать и за право пользоваться всем, что Господь Бог предоставил нам, — сказал Ларкин на одном митинге рабочих в Лондоне. Это не должно быть только борьбой за более короткий рабочий день и за более высокую заработную плату! Если мы даже ничего не сделаем для себя, то все таки проложим дорогу для следующих поколений и для них уготовим Обетованную страну...

Само собою разумеется, что предприниматели не могли отнестись равнодушно к такой пропаганде, тем более, что она имела успех среди рабочих. Союз транспортных рабочих, организованный Ларкиным, поддерживал всякую стачку. Стоило забастовать какой-нибудь фабрике, как все транспортные рабочие отказывались разгружать для нее вагоны, привезшие сырой фабричный материал, не хотели подвозить уголь и нагружать изготовленные фабрикой продукты, и т. д. и т. д., — словом, ставили предпринимателей и хозяев фабрики в безвыходное положение и таким образом могли им диктовать свою волю.

В начале предприниматели не очень тревожились, зная, что у ирландских рабочих денег нет и что им долго не выдержать. Но на помощь к своим ирландским собратьям явились английские рабочие, хотя ни трэд-юнионы (рабочие союзы), ни парламентская рабочая партия не одобряли этих «стачек по сочувствию».

Е числу предпринимателей в Ирландии принадлежали, между прочим, и многие из ирландских националистов, убежденных защитников гомруля, но... противников рабочего движения. Они обвиняли во всем Джима Ларкина, приписывая ему упорство ирландских рабочих. Надо было во что бы то ни стало обезвредить Ларкина и его привлекли к суду по обвинению в подстрекательстве к беспорядкам.

Ирландские судьи не оказались на высоте своего призвания. Дело в том, что как судьи, так и присяжные принадлежали по своему происхождению к предпринимателям, а следовательно, были, в данном случае, заинтересованными лицами. Ларкин так таки напрямик и заявил им это, сказав, что они не могут считаться истинными представителями населения, а только присяжными,

подобранными с определенной целью осуждения, поэтому их мнение не имеет для него значения, и он не сомневается, что они вынесут обвинительный приговор.

Так оно и было, и Ларкин был приговорен судом к семимесячному тюремному заключению. Но он просидел в тюрьме, вместо этого, только семнадцать дней, потому что после его осуждения стачки разрослись еще больше, да кроме того рабочие забросали правительство петициями и заявлениями, указывающими, что осуждение Ларкина является позором для правительства и только укрепляет в народе убеждение, что правительство расправилось с Ларкином лишь потому, что он ведет борьбу с предпринимателями.

Но не одни только рабочие выступили в защиту Ларкина. Многие английские газеты напечатали по этому поводу резкие статьи и выражали порицание суду. Любопытно, что на стороне рабочих оказался и Оксфордский епископ, присоединившийся к тем, кто требовал немедленного освобождения Ларкина и даже выразивший при этом надежду, что Оксфорд поддержит ирландских рабочих, пока будет продолжаться стачка.

Джима Ларкина освободили и он продолжал свою деятельность, организуя рабочих для самостоятельной борьбы. Рабочие начали вооружаться и создали «Гражданскую Армию» для защиты от полицейских насилий, имеющую, кроме того, перед собой и другую, более крупную задачу, а именно борьбу за ирландскую независимость.

К этому движению примкнула еще другая ирландская организация — «Син-фейвы», что значит: «Мы сами». Члены этой организации также стремились к ирландской самостоятельности и раньше хотели добиться этого лишь посредством пассивного сопротивления. Они всегда отказывались признавать английский парламент, не участвовали в выборах и даже рекомендовали ирландским депутатам отказаться от полномочий и вернуться в Ирландию. А в Ирландии они предлагали явным порядком созвать парламент и образовать свои собственные выборные суды.

Члены этой организации предлагали также бойкот всех английских товаров, а также, чтобы из Ирландии не вывозились в Англию никакие продукты. Но в то же время они старались помогать развитию земледелия и ирландской промышленности и вообще стремились освободить Ирландию от всякого влияния Англии.

Другая, новая организация в Ирландии, возникшая во время войны, — «Гальская Лига», поставила себе целью возрождение в Ирландии старинного гальского языка, который когда-то был языком ирландского народа. Эта лига старается освободить школьное дело в Ирландии от английского влияния, возродить народную поэзию и вызвать в народе интерес к прошлому страны.

Все эти открытые и тайные организации в Ирландии всегда имеют в виду одну общую цель—полную независимость Ирландии и превращение ее в свободную ирландскую республику.

Несмотря на строгий запрет ввозить оружие и организовывать волонтерские отряды, волонтерское движение в Ирландии все разрасталось. Ирландцы охотно записывались в эти отряды и всячески поддерживали их. Но когда, в начале войны, ирландские либералы и вождь парламентской ирландской партии Редмонд заявил, что надо поддержать Англию и дать ей солдат, то этот призыв не встретил сочувствия в Ирландии. Митинги, где произносились речи, призывающие ирландцев на помощь Англии, постоянно срывались, и заявления, приглашающие их записываться в ряды армии, не имели никакого успеха. Ирландцы не могли сочувствовать этой войне, только усиливавшей бедственное положение народа, благодаря увеличению налогов для покрытия военных издержек Англии. Дороговизна в стране возрастала, и не раз даже раздавались речи о том, чтобы совсем не платить налогов. Неудовольствие ирландцев еще увеличивалось тем, что злополучный закон о гомруле, который был принят парламентом перед войной (в мае 1914 г.), так и не был введен в силу и в течение войны ежегодно откладывался то до весны, то до осени. Разумеется, это раздражало ирландцев, и волнение в стране усиливалось. К тому же английское правительство, опасаясь взрыва, прибегло к своим излюбленным средствам в Ирландии—к полицейскому воздействию на непокорных ирландцев. Начались опять обыски, аресты, закрытие типографий и газет и запрещение митингов. Вообще, английские власти никогда не стеснялись в Ирландии, широко применяя те меры, которые они не решались бы применять по отношению своих соотечественников в самой Англии. И, как всегда, эти меры привели только к обратным результатам и усилили революционное движение в Ирландии. Когда был объявлен рекрутский набор то борьба против него велась уже совершенно открыто, и в ирландских газетах, которые беспрестанно конфисковались английскими полицейскими властями, то и дело появлялись призывы к неповиновению и такого рода заявления: «Пусть не думают англичане, что мы покорены и унижены! Мы попрежнему готовы бороться за свободу и независимость Ирландии и торжественно обьявляем, что будем продолжать борьбу с Англией до тех пор, пока Ирландия не будет восстановлена в правах свободной страны.. Теперь или никогда! Может ли ирландский народ сидеть смиренно и ждать, пока англичане не прикончат его совершенно? Может ли он поступать так, как того желает английское правительство, не прислушиваясь к голосу своей родины? Теперь или никогда!..»

Новый революционный взрыв, несомненно, назревал в Ирландии. Он произошел весной 1916 года, в Дублине, так как английское

правительство уже намеревалось принять энергичные меры к подавлению возможного восстания, разоружению волонтерских отрядов и аресту всех вожakov движения.

В понедельник на Пасху был устроен обычный парад волонтеров в Дублине, и появление их на улицах не вызвало никакого возмущения среди городского населения, так как такие парады происходили довольно часто. Толпа глазела на движущиеся вооруженные отряды, ничего, повидимому, не подозревая, и только несколько удивилась, когда один из них занял почтамт, удалив оттуда всех служащих. Недоумение народа скоро прекратилось, когда над крышей этого здания, вместо английского флага, взвился ирландский флаг и на одной из колонн была наклеена прокламация, провозглашавшая Ирландскую республику.

Тотчас же в толпе раздался восторженный возглас. Люди плакали, смеялись, бросали в воздух шляпы. Ликование было всеобщее. Конечно, тотчас же появился отряд английских войск, но произведенный ирландскими волонтерами залп заставил его удалиться. Ирландцы забаррикадировали здание почтамта и расставили часовых. Тотчас же были съезжены туда с'естные припасы и амуниция.

Все совершилось очень быстро, и уже через несколько часов революционерами были заняты все главные пункты города. Президент Временного правительства Ирландской республики Пирс обратился к народу с речью, в которой напомнил о прежних восстаниях ирландцев, стремившихся завоевать национальную независимость и свободу. Провозгласив независимую и самостоятельную республику, Пирс прибавил:

— Мы просим, чтобы никто, служащий священной делу освобождения родины, не опозорил его своими поступками, трусостью, жестокостью и грабежами. Ирландский народ должен в эту торжественную минуту показать себя достойным того славного будущего, к которому мы все стремимся и за которое готовы пожертвовать своей жизнью!..

Во все места Ирландии было тотчас же послано по телеграфу известие о начавшемся в Дублине восстании и просьба поддержать его. К сожалению, не везде это выступление ирландских революционеров встретило сочувственный отклик. Многие находили его преждевременным, в виду продолжающейся войны с Германией, а также превосходства английских военных сил в Ирландии. Восстание, таким образом, как и все предшествующие революционные взрывы в Ирландии, было заранее осуждено на неудачу.

Несколько времени до того небольшое германское судно с оружием для ирландских волонтеров прорвалось через блокаду. Но у берегов Ирландии оно встретилось с английской миноноской и, не желая сдаваться, взорвалось на воздух. Таким образом, волонтеры

не получили оружия, на которое рассчитывали, у них не было артиллерии, и им пришлось сражаться с армией, которая вдвое превосходила их по силе.

Начался уличный бой, жаркий и беспощадный, но в первые два дня революционеры все же удержали все занятые ими позиции. На третий день англичане пустили в ход артиллерию, и Дублин начал гореть. Из одного разрушенного здания отряд успел спастись, благодаря заранее сделанному подземному ходу. Но революционеры сражались с мужеством отчаяния. Каждую улицу, каждый дом англичанам приходилось брать с боя. Медленно отступая, ирландские революционеры сосредоточили свои силы в центре города, у почтамта. А кругом Дублин горел...

Положение было безнадежным, так как никто не являлся на помощь восставшим, а припасы у них быстро таяли. К тому же англичане прибегли к газовой атаке, чтобы сломить сопротивление революционеров. Сознав всю безнадежность этого восстания, Пирс после совещания с вождями революционеров, отдал на шестой день восстания приказ о безусловной сдаче волонтеров, во избежание дальнейшего избиения безоружного населения. Но, несмотря на этот приказ, бой продолжался еще в разных местах города в течение нескольких дней, так как многие отряды революционеров не хотели сложить оружия и продолжали сражаться со своими исконными врагами—англичанами.

Восстание было подавлено, и вся центральная часть города превратилась в груды обгоревших развалин. Ирландия была объявлена на военном положении и введена военная диктатура, много безоружных, мирных жителей были расстреляны без суда, в том числе трое ирландских журналистов, даже не участвовавших в восстании, но известных англичанам, как истинные ирландские патриоты.

Когда начал действовать военный суд, заседания которого происходили при закрытых дверях, то по его приговору пятнадцать наиболее выдающихся ирландских революционеров были казнены, остальные были присуждены к каторжным работам и к тюремному заключению. В числе казненных, конечно, находился Пирс, президент Временного правительства Ирландской республики. Это был популярный ирландский писатель и педагог. Казнен был также и Джеймс О'Конноли, социалист и организатор союза транспортных рабочих, вместе с Ларкином. О'Конноли был тяжело ранен во время восстания, и поэтому суд над ним был отложен на несколько дней. Когда он несколько оправился, его принесли в суд на носилках и также на носилках отнесли на место казни, где он был расстрелян в полулежачем положении.

Список ирландских мучеников за святое дело освобождения родины еще удлинился. Но суровое подавление восстания и жестокость

победителей не уничтожили революционного движения в Ирландии. Оно только ушло в подполье, как это всегда бывает в таких случаях, и снова может вырваться наружу во всякое время.

Вековая история Ирландии указывает, как сильно стремление к независимости и свободе в душе ирландцев, и такое стремление в душе народа нельзя искоренить никакими полицейскими средствами. Пропасть, разделяющая Англию и Ирландию, еще более углубилась, волнение в стране продолжается, и нет сомнения, что этот длинный счет за пролитую кровь будет вновь пред'явлен Англии...

Э. Пименова.

1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Глава I.—Победители и побежденные.—Кровавая эмблема.— Древнее население Эрина.—Вторжение англичан.—Отношение их к ирландцам.—«Убийство ирландца не есть преступление». — Жестокость Кромвелля.—Изменение порядка землевладения.—Положение ирландских фермеров	3—8
Глава II.—Гонения англичан.—Борьба за землю и свободу.— Ирландские «стори». — «Белые парии». — Тайные союзы. — Десятилетняя война. — Деятельность тайных союзов и внушаемый ими страх	8—14
Глава III.—Теобальд Вольф Тон.—Союз «Объединенных ирландцев». — Священник Джон Мурфи.—Неудавшиеся восстания.—Образование унии.—Роберт Эмметт.—Даниель О'Коннелль.—Национальная Лига.—Популярность О'Коннелля.—Суд над О'Коннеллем.—Движение в пользу отмены унии Великобритании и Ирландии.—«Молодая Ирландия» — Черный год	15—28
Глава IV.—Рост аграрных преступлений в Ирландии.—Риббонмены.—Газета «Молодой Ирландии». — Вильям О'Брайн. — Вочения 1848 года и их влияние на Ирландию.—Раскол в партии «Молодая Ирландия». — Газета «Объединенный ирландец». — Митчелль.—Восстание.—Изгнания фермеров.—Джеймс Стифенс.—Фенин и их организация.—Фенианское движение и его особенности.—Вредные последствия раскола.—Арест Стифенса и его бегство.—Суд.—Рост революционного движения.—Нашаение на тюремную карету.—Казни.—Взрыв тюрьмы.—Тайные судилища	23—35
Глава V.—Майкель Дэвитт.—Ирландская парламентская группа.—Чарльз Парнелль.—Ирландская дружина.—Парламентская обструкция.—Некоронованный король.—Земельная Лига.—Опять голод! — Недобросовестность английских властей.—Капитан Бойкот.—Увековечение его имени.—Распространение бойкота в Ирландии.—Билль об усмирении Ирландии.—Бесконечное заседание.—Лига женщин.—Отношение ирландских священников.—Удаление ирландских депутатов.—Арест Парнелля.—Кильмангамский договор.—Новое убийство	35—51
Глава VI.—Год наказаний.—Национальная Лига.—Триумфы Парнелля.—Значение ирландской партии.—Гомруль.—Интриги против Парнелля.—Гражданский судебный процесс.—Торжество Парнелля.—Бракосводный процесс.—Конец политической карьеры Парнелля и его смерть	51—58
Глава VII.—Реформа землевладения.—Гомруль.—Историческое заседание.—Два враждебных лагеря.—Подготовка к восстанию.—Рабочее движение.—Джим Ларкин.—Стачки по сочувствию.—Суд над Ларкином.—Образование гражданской армии.—Син-Фейлы.—Дублинское восстание.—Казнь О'Коннолли.—Данный счет	58—66